

8. МИГРАНТСКИЕ ИСТОРИИ

(записаны и обработаны Е.К. Кирилловой)¹

1. Самара

Валентина Александровна, 67 лет, высшее образование, пенсионерка, вдова

Я приехала в Самару из Ташкента. В 90-х годах, вскоре после распада СССР, началось притеснение русского населения. Прожив в Узбекистане 40 лет, я с семьей уехала оттуда, прихватив с собой кое-какую постель, белье и другие мелочи, остальное все продали за бесценок, набрав денег на дорогу и на оплату двух контейнеров. Перед отъездом я консультировалась у консула Российского посольства в Ташкенте. Консул объяснил, что по приезду в Россию необходимо зарегистрироваться на постоянном месте жительства, после чего мы сможем получать пенсию, устроиться на работу без особых проблем.

В Самару мы приехали потому, что большие некуда было ехать и куда хватило денег. Здесь живет подруга моей дочери, которая приютила нас и дала согласие на прописку к ней. Подав документы на регистрацию по месту жительства, я через несколько дней пошла за ними в паспортный стол и обнаружила на них штамп о гостевом пребывании на 3 месяца. На вопрос о том, что это означает, мне ответили, что они тоже точно не знают, что это такое. Потом я обратилась в СОБЕС для переоформления пенсии. Мне в приеме документов отказали, ссылаясь на то, что этот штамп недействителен. И начались мои мытарства. Я обращалась в Миграционную службу и услышала: «В наши обязанности не входят вопросы трудоустройства, прописки и т.д. Вы знали, куда ехали и зачем, никто вас не звал». Обращалась в Госдуму Самары к депутату по социальным вопросам. Там приняли мое заявление с просьбой разъяснить законы о прописке и причины лишения пенсии. Получила ответ, что отказ мне в получении пенсии неправомерен, но чиновникам ничего не докажешь.

В этом году мы купили комнату в коммунальной пятикомнатной квартире. Но когда мы попытались зарегистрироваться по месту жительства, чиновники воспрепятствовали, хотя я перед этим консультировалась в городской службе, и нотариальная контора заверила, что при покупке жилья я имею право на вид на жительство. После этого меня направляли в разные инстанции, от одного чиновника к другому. Это самое настоящее издевательство над нами, русскими, в собственной стране, и я чем дальше, тем больше ощущаю себя нечеловеком, бичом, БОМЖом, лишена всех прав. Меня лишили единственного источника моего существования – пенсии. И куда бы я ни ходила на протяжении уже 3-х месяцев: в Управление по защите прав населения, Министерство внутренних дел, паспортно-визовую службу города, области, Госдуму, Губернскую Думу – мне никто не смог дать ответ в соответствии с законом, но все возмущаются. Наконец, в Департаменте по социальным вопросам откликнулись на мое горе и разрешили выплатить минимальную пенсию за 3 месяца.

У меня нет слов для возмущения, слез – что делают с нами, вынужденными переселенцами, а в Министерстве внутренних дел прямо заявили: «Уезжайте!» Получается, кого хочу – помилую, кого хочу – казню. Мои родители – уроженцы России, бывшей Омской губернии, 7 областей которой при СССР подарили Казахстану. Но я никому не могу доказать это и никто не хочет понять, что я и мои дети не виноваты, что СССР разрушили, и почему-то мы, русские, остались заложниками у тех же русских и стали последним сортом. Это полное нарушение прав человека в России, нас унижают, и я вынуждена буду в случае непринятия здесь мер по защите моих прав обратиться для этого в ООН.

2. Пензенская область

Виктория Вениаминовна, высшее образование, 32 года, замужем, один ребенок

Приехала в Пензенскую область в августе 2001 года из Самарканда (Узбекистан). Основная причина переезда – национальный вопрос. Нас там всячески притесняли. У меня дочь десяти лет. Наблюдая за ней, даже в играх во дворе, при общении с маленькими детьми можно было различить отдельные фразы, оскорбляющие русских. Это проявлялось повсюду: на работе, в общении, в магазине. Моя мама – уроженка Пензы. После окончания института ее направили в Узбекистан. У

---

¹ В данной работе публикуются только истории, записанные в ПФО. Публикация мигрантских историй в полном объеме готовится к печати в Новом издательстве.

меня высшее экономическое образование, я закончила кооперативный институт в Самарканде. Работала в поликлинике экономистом. Моей зарплаты хватало на 1 кг сливочного масла и на хлеб. Мы долго надеялись, что будет лучше. Очень тяжело было решиться на отъезд. Потом мама написала в Миграционную службу, чтобы ей помогли вернуться в Пензенскую область. Ей ответили: «Приезжайте. Мы Вам окажем небольшую материальную помощь и предоставим жилье. В течение 10 лет Вам будет помогать государство». Это обнадежило.

В Самарканде у нас была хорошая квартира, которую мы годами обустроивали. Продали ее за бесценок. Я приехала в Пензу с мамой, сестрой и с дочкой, муж приехал позже. Я предполагала, что мы сможем нормально устроиться, но живем кое-как, условия жуткие. Имущество нам удалось вывезти, но очень дорого заплатили за контейнер. Здесь мы столкнулись с большими проблемами, начиная с получения гражданства, всюду палки в колеса вставляют. Сославшись на то, что с гражданством я немного запоздала, мне отказали в ссуде на жилье. Я обращалась в первую очередь в Миграционную службу, ведь письмо было прислано оттуда, потом – в администрацию по месту прописки. Там тоже бумажная волокита, все очень долго. Я подала в суд, ведется тяжба.

Живем четвером в квартире 16 кв. м. в селе Бессоновка – это райцентр, в доме, построенном Миграционной службой для переселенцев. Месяц тому назад приехал муж, и теперь мы впятером на такой маленькой площади. Пока выхода никакого нет. Я не считаю это жилье своим. Понимаю, что моя семья должна отделиться, мы же не можем долго существовать в таких условиях.

Только что получили гражданство, все, кроме мужа, так как он позже приехал в Россию. Дочке тоже дали свидетельство о рождении. Без гражданства мы никуда не могли устроиться на работу. Я пыталась найти работу, но мне это не удалось. Правда, можно было пойти продавцом, но меня не устроило то, что там поздно заканчивается рабочий день, и он очень длинный – с 7-30 до 22-30, вечером возвращаться одной страшно, надо, чтобы кто-то встречал. Хорошо, хоть маме сразу дали пенсию. С получением паспорта я прописалась постоянно по месту жительства.

Мы готовы жить в области, на Пензу я не рассчитываю. Но работа в сельском хозяйстве для меня неприемлема. Я готова ездить в город на работу. То, что мы живем близко от города, меня устраивает. У дочки нет проблем с учебой, школа ей нравится, дочь отличница. Живя здесь, реально получить образование в Пензе.

Если на пенсию мамы мы в Самарканде не смогли прожить, здесь мы как-то смогли продержаться какое-то время четвером. Мы кое-что продали, кроме того, я немного подрабатывала, занималась частной предпринимательской деятельностью, у меня была материальная поддержка. Я думаю, смогу все-таки найти работу, но мне бы хотелось, конечно, по специальности.

Муж пока тоже не работает, очень переживает, что работы нет. Он водитель, но без гражданства не может получить работу и не может получить права на вождение машины. Это все взаимосвязано. У него есть тамошние права, но они недействительны здесь. К тому же права можно получить, только прожив полгода здесь, то есть человек должен быть прописан. Получается замкнутый круг. Ему можно было бы пока устроиться на работу с тяжелым физическим трудом, но он подорвал свое здоровье и пойти туда не может. Сейчас он прилагает все усилия к тому, чтобы получить российские права. Много проблем, загвоздок.

Конечно, мы не жалеем о том, что уехали из Узбекистана. Но сегодняшнее настроение – ужасное, все надежды рухнули, в том числе и на ссуду. Денег еле-еле хватает на питание. Дом ветхий, с одной стороны осел, крыша ненадежная, протекает. Его надо со всех сторон подправлять. На все это нужны деньги. Мне кажется, что мы сможем восстановиться лет через 10, не меньше. Заново начинать жизнь очень сложно. Хочется надеяться, что у нас что-то получится.

3. Самара

Ирина Викторовна, 38 лет, высшее образование, врач, разведена, двое детей

Я – коренная жительница Самары, здесь родилась, выросла, закончила школу, институт. Попала в Баку по распределению мужа. Муж – офицер. Начинала я учиться в медицинском институте здесь, в Самаре, а заканчивать его уже пришлось в Баку. Это еще было в 80-х годах, когда был Советский Союз, было все тихо, мирно, хорошо. Мы тоже, как все офицерские семьи, долго мотались по общежитиям, много пережили. Получили квартиру, когда уже родился ребенок. Нормальная, хорошая квартира. Прожили мы до начала военных действий в Баку. Раньше еще Сумгаит был, и эта волна дошла до нас. Мы жили там до последнего, потому что никак не ожидали, что в Баку может что-то произойти.

Мы – самые настоящие беженцы, потому что когда там уже началась неспокойная обстановка, всех наших мужей забрали, в военных частях остались только их жены и дети. На нас было

нападение, мы пережили ужас. Дочке было 4 года, к нам стучали в дверь и врывались, говорили по-азербайджански, и никакие мольбы о том, что мы русские, не помогли, хотя конфликт начался между армянами и азербайджанцами. Почему они перекинулись на всех, непонятно, но было очень страшно. Я стала просто кричать, бить по батареям палками, будоражить весь дом, чтобы люди выходили на балконы. Там жили не только азербайджанцы, но и русские. Не только военные, но и гражданские. Может быть, нападающих это как-то напугало. Они на какое-то время затихли, что-то между собой говорили, а потом снова стали ломиться в дверь. Это продолжалось всю ночь, потом мы все-таки через балкон ушли к соседям и до рассвета оставались там. А телефона не было, сообщить никуда мы не могли. Мы жили в довольно отдаленном от центра районе. Когда утром пришел муж, я была в жутком состоянии и сказала, чтобы он нас отправил в Россию, ребенок тоже был в шоковом состоянии. Мы успели вылететь в этот же день гражданским самолетом. Прилетели в Самару, здесь жила моя мама. Оплачивали дорогу сами. Когда мы сюда прилетели, уже по телевизору смотрели, как ночью начались настоящие боевые действия.

Потом связи с мужем не было долгое время. А когда он дозвонился до нас, сказал, что есть возможность уволиться. Он советовался со мной. Я сразу же сказала, чтобы уволился. Я была военный врач. После пережитого назад я в любом случае не вернусь ни за что. Уехали оттуда, ничего с собой не взяв. Я была в таком состоянии, что на ребенка не взяла то, что должна была взять. Муж приехал спустя месяц. Квартиру закрыл и тоже взял с собой, что мог, некоторые вещи из одежды, больше ничего. Мы приехали сюда как гражданские. Поселились в однокомнатной квартире у моей мамы, в обычной «хрущевке», 16 кв. м. Жили на текущую зарплату мужа, перебивались. Сначала нам дали временную прописку, потом через какое-то время прописали постоянно.

А потом на этих 16 метрах возникли большие проблемы в семейной жизни. Мы с мужем расстались, он уехал к своим родителям в Казань. У мамы начались обострения болезней. Очень много пришлось пережить. Муж ездил еще раз в Баку. Я туда не возвращалась, во-первых, было страшно, во-вторых, и материально не было никакой возможности. Муж сказал, что квартиру там заняли азербайджанцы, местные жители, поставили железную дверь. Хорошо, что у нас на руках были все документы, вплоть до прописки. На тот момент Миграционной службы как таковой вообще не было. Это был 1990 год. Нам дали справку, чтобы мы как беженцы обращались в администрацию по месту прописки. Нам было выделено 200 рублей, больше никакой помощи не было. Я устроилась на работу, с этим проблем не было. С гражданством тоже, потому что мы были гражданами Советского Союза.

А вот проблемы с жильем серьезные. Мне сказали: «Вставайте на очередь по месту прописки и по месту работы». Стоим на очереди до сих пор. В 1992-93 годах, когда Миграционная служба возникла, когда уже беженцев появилось много, меня там поставили в очередь на жилье. В эти годы у меня начались хождения по мукам. Везде я обивала пороги. Брала справки из медицинских учреждений, что совместное проживание с больным человеком невозможно: у мамы были частые ночные приступы, мы не спали, и ребенку было невозможно там находиться. Но поскольку здесь у нас было много знакомых, мы ночевали в разных местах.

Потом я каким-то образом прослышала, что в Миграционной службе стали давать жилье, когда я туда обратилась, проверили, что мы беженцы, но конкретно ничего не сказали. Это был 1995 год. При личной беседе они говорили, что «нет у нас квартир». Я ходила по кругу, меня посылали из одного места в другое: в администрацию по месту работы, администрацию района по месту прописки, администрацию города, администрацию области. Везде были отписки «в отдел миграции». Дошло до того, что мне сообщили, что у меня нет статуса. Когда я пошла по юридическим инстанциям, мне сказали, что мои права нарушены. Положение сложилось такое, что жить негде, не на что, ребенок растет, зарплата мизерная, приходилось подрабатывать, где только можно, в основном по профессии, но, бывает, что и не по профессии, (работа на избирательном участке во время выборов, анкетирование, опрос, перепись). Не хватало сил, ни моральных, ни физических. Также обращалась по месту работы и снова встречала отказ. Юристы посоветовали обратиться в суд.

Моему сыну 16 лет, у него нарушена психика. Друзей привести ему некуда, подружки у него нет, он часто говорит, что не хочет жить. Я как мать прекрасно понимаю, чем это грозит.

Я пока не знаю, что дальше будет. Хочу, чтобы ребенок учился здесь, ведь больше ехать некуда. Здесь у меня есть хоть какие-то знакомые, столько лет я здесь проработала. Первые годы поддерживала связь с соседями по Баку, но оттуда разъехались все, в основном по родным.

Я – член общественной организации «Самарский переселенец». Там активно прорабатывается вопрос о переезде в сельскую местность, часть переселенцев хотели бы построить себе собственное жилье. Сейчас моя дочь заканчивает школу. Мы все вместе можем отработать такой вариант: обеспечить доступ к обучению своих детей в высшие учебные заведения, и в этом случае мы могли бы уехать в сельскую местность. В городе меня держат учеба ребенка и моя работа, я уже всего боюсь.

Есть у нас такая категория лиц, которая осела в городе и ни за что не поедет в село. В основном это те, у кого есть родственники, стабильная работа, стабильный заработок, возможность в будущем приобрести какое-то жилье, у кого есть поддержка. У нас ее нету. Такие, как мы, не обустроенные в течение 10 лет, не живущие, а только выживающие, готовы переехать в сельскую местность. Столичный вариант проживания уже уходит, мы уже, считай, на периферии, и третий этап – это, по-моему, будет сельский район. Это насущный вопрос, который надо решать в экстренном порядке. В переезде в село видят единственный выход те люди, которые проживают без регистрации, работают по чужим документам. Если дадут им клочок земли, они смогут что-то посадить, завести скот и за счет этого выживать, а может быть, и жить нормально. И это основная масса людей. Тех, кто хочет остаться в городе, я считаю, немного. Среди беженцев есть специалисты всех профессий, от землекопа до академика. Даже есть кому найти воду, пробурить, чтобы создать для себя нормальные условия проживания. Нам обещают выделить землю недалеко от Самары.

Я не думаю, что местные жители, которые там живут, будут против. Они в более выгодном положении, потому что у них, пусть худая, пусть гнилая, но крыша есть. И этот страх администрации, что земли, которые они дадут, будут стоять мертвым грузом, необоснованный. За 3-4 месяца, даже исходя из наших скудных ресурсов, у нас будут дома. В течение года, я думаю, построим наверняка. Мы готовы рыть землянки, сажать картошку, завести скот. С каждым годом я убеждаюсь, что необходимо подсобное хозяйство. Надо нам кооперироваться всем вместе, иначе не выживем.

Нас государство воспитало, что мы всегда всем должны, мы обязаны. Долг, служба, родина. А когда оно поступило с нами так, что нас переломали, нам никто не помог. Мы уехали в Баку в 1984 году, вернулись в 1990-м. Ребенок родился там, жилье было получено тоже там. А потом у нас все забрали. Я не вижу для себя никаких положительных перспектив. У дочери полностью поломана психика, на грани нервного срыва.

Я обращалась к корреспондентам, но все бесполезно. Стена совершенно непробиваемая. Чиновники, холодные лица, холодные души, которые пересылают в другие кабинеты, только не к ним. Единственная организация – «Самарский переселенец», здесь другое отношение, сочувствуют, выслушивают, как-то пытаются помочь. Хотя на работе тоже чем могут помогают. Наше здравоохранение переживает не лучшие времена, поэтому желание желанием, а возможностей никаких. Меня сейчас вообще вычеркнули из списков очередников. А члены этой общественной организации берутся помочь.

Я не знаю, как я сделала, правильно или нет, поскольку я сразу прописалась, может быть, по своей глупости. Я не знаю, как это делается. Если не прописываться, значит, на работу не устроишься. А поскольку прописались, считается, что крыша какая-никакая есть, а какая фактически – это не важно. Хотя бы общежитие нам дали, у дочери был бы свой угол. Но здравоохранение не имеет на балансе общежития. Я думаю, что чем содержать таких проблемных работников, как я, им проще найти других. Я – врач I категории, на руки получаю 1600 рублей. Мечтаю хотя бы выспаться.

4. Пензенская область

Михаил Иванович, 70 лет, незаконченное среднее образование, пенсионер, женат

Мы приехали из Чирчика, что в 30 км от Ташкента, я родился и всю жизнь прожил там, жена родилась в Оренбурге. Образование у меня – 7 классов, закончил ремесленное училище, работал до 68 лет. Везде приходилось работать – и на стройке, и на заводе, и у частника. Специальностей у меня много: и плотник, и токарь, и слесарь, и ездил на каре. Всему учился самостоятельно. Мебель у нас сделана моими руками. При советской власти узбеки нам говорили «езжай в своя Россия», а после 1991 года, когда русские стали уезжать, они поняли, что работать будет некому.

Городок Чирчик, в котором мы жили, небольшой, всего 150 тысяч человек. Но он считался промышленным городом, в нем было 5 больших заводов, и это не считая множества мелких, находившихся в воинских частях. В промышленности работали одни русские, узбеки – преимущественно в сельском хозяйстве. Когда производство остановилось, русские стали оттуда уезжать. Молодежи там жить уже невозможно, дети не могут учиться дальше, никуда не поступишь. В России хоть есть какая-то перспектива, а там 11 классов закончишь, и все. Поэтому мы решили, чтобы дети перебирались сюда. Кроме того, введение узбекского языка осложнило нашу жизнь: телевизор не посмотришь, приемник не послушаешь. Мало того, что ввели узбекский язык, теперь ввели еще и арабский. Сейчас его начинают учить с I класса. Русским там делать нечего.

Мы приехали в Пензенскую область в мае 2000 года. Семья старшего сына приехала на 2 года раньше нас, они обосновались и вызвали нас. Младший остался в Узбекистане, тоже собирается

переезжать. В Пензе живет наша племянница, она и посоветовала нам приехать сюда.

Имущество мы привезли оттуда. Дом продали. Нам повезло. За такой дом, как наш, давали маленькую цену. За такие деньги здесь ничего не купишь. Об этом мы знали. Нам попался хороший покупатель: сколько попросили, столько и дал. Продали там все, что можно было продать.

В пос. Старая Каменка по совету знакомых мы купили квартиру у местных жителей. У нас не было проблем ни с пропиской, ни с пенсией, ни с гражданством. Тем, кто родился в России, предоставляли его без проблем. Благодаря жене я тоже получил гражданство. Сейчас труднее получить гражданство, потому что теперь по закону его дают не ранее чем через 5 лет, даже тем, кто родился в России. Моя жена родилась здесь, всю войну здесь прожила, но потом уехала в Ташкент – там тепло и нужно меньше одежды. Сейчас она вернулась домой. Почему же наши дети не могут получить гражданство? Мы ведь русские. И почему наши дети 5 лет должны жить за счет нашей пенсии? Без гражданства невозможно устроиться на работу в государственные структуры, единственный вариант – работать у частника.

Мы всем довольны: здесь лучше. К нам отнеслись очень хорошо, душевно. Сын работает в селе сантехником в жилищно-коммунальном хозяйстве, зарплата у него невысокая, ищет выше оплачиваемую работу. У нас сейчас больше материальных средств, чем у детей. Мы получаем хорошую пенсию, больше, чем получали там. А цены здесь ниже. Там мы молоко не могли купить, яйца покупали по штуке. Когда мы здесь пошли на базар и увидели яйца, я думал, что одно яйцо стоит 12 рублей – для меня было приятной неожиданностью узнать, что это цена за целый десяток. Селедку в Узбекистане покупали только к великим праздникам, масло вообще не ели. Вообще там мы не видели ничего, что видим здесь. Моя пенсия составляла там в переводе на рубли около 18 тысяч. Если перевести пенсию, которую я получаю здесь, то там я должен был получать 40 тысяч рублей. Только за газ мы платили в год 18 тысяч рублей. Сейчас у нас есть подсобное хозяйство, огород около 5 соток. Освоили его сами.

Человеку везде хорошо, когда все умеешь делать, а когда не умеешь ничего – и там плохо, и здесь. Страшного нигде ничего нет. Просто надо работать.

Если говорить о будущем детей, то в Старой Каменке его, по-видимому, нет. Обещают возобновить строительство животноводческого комплекса, тогда пойдет стройка, будет строиться жилье, появится много рабочих мест. Но пока ничего нет. Молодым здесь тяжело.

5. Самара

Светлана Эльевна, 40 лет, высшее образование, замужем, трое детей

Мы приехали из Самаркандской области Узбекистана. Фактически инициатором переезда была я, муж уезжать не собирался. Он там родился и вырос. Я родилась в Кемеровской области. Муж работал машинистом буровой установки. Я посчитала, что у моих детей там будущего нет, потому что мы – русскоязычное население. Там вводят свой язык. Нам на работе объявляли, что вся документация будет на узбекском языке.

Я работала завскладом ЖКУ (жилищно-коммунальные услуги), все испытала на себе. Когда нас опечатывала налоговая инспекция, был такой инцидент. Начальник инспекции, узбек, спросил: «Почему у вас завскладом работает русская женщина?» Это я посчитала за оскорбление. Причем в открытую не увольняли, а больше исподтишка, создавали такие условия, что люди не могли там работать. Было тяжело. В школах была та же ситуация, к тому же когда русские стали уезжать, не стало учителей. Конечно, если бы все было, как раньше, мы бы не уехали. Раньше узбеки считались с русскими. Здесь, в России, тоже очень тяжело. Мы никому не нужны ни там, ни здесь.

Мы уехали оттуда в 1999 году. Муж не хотел уезжать, у него родители там. Он татарин, родился и вырос в Узбекистане. А я родилась в России, мне Россия ближе. Мои родители с нами – детьми – уехали в Узбекистан по направлению, работали в Учкудуке на золотом заводе. Там я жила, училась, росла, познакомилась со своим мужем, окончила университет в Самарканде по специальности бухгалтер.

В Россию я приехала одна с тремя детьми, муж приехал к нам через 9 месяцев. В Самару попали чисто случайно. Меня уговорил приехать в Самару племянник, сын старшей сестры – они жили в Самаре – хотя бы дня на 3 погостить. Я решила ехать в Воронеж, у меня там подруга, она мне нашла жилье. Но получилось так, что в поезде у меня отобрали деньги, оставили 1500 руб. и 20 долларов. Пришлось выйти в Самаре. Муж ничего не знал. Но хороших людей больше, чем плохих. Мне помогла бывшая свекровь моей старшей сестры. Я жила у нее месяц, и в течение месяца с большими усилиями нашла себе работу и жилье в Красноармейском районе Самарской области. Работала у частника. Он мне предоставил общежитие, его отремонтировали. Взял старших детей и меня на работу – сразу троих. Правда, платил он мало, но на первое время меня это очень даже устраивало. Я работала у него

на трех работах, получала 900 рублей, сын работал на мельнице, а дочка – на складах оператором на компьютере. Потом я стала задумываться о том, чтобы переехать поближе к городу. Там, где мы жили, глухомань, от города далеко, в больницу ехать – надо машину брать, а денег нет. Я познакомилась с людьми, которые жили в Рубежном, это на окраине Самары. Мы переехали туда.

Проблем с жильем не было, потому что я устроилась в цех телятницей. Там нужны рабочие руки. Я 4 раза приезжала в Рубежное, просила, чтобы меня взяли, боялась, вдруг они жилье либо прописку не дадут. Ходила к директору. Мне наобещали всего, но я рада тому, что у нас тут есть. Правда, наше жилье как сарай, но это временно. Пока нет возможности все привести в порядок – комната уже отремонтирована, а кухня пока ждет. Муж тоже переехал сюда, к семье, но делать ничего не хочет, никак не может привыкнуть, ему здесь тяжело.

Конечно, сейчас трудно, потому что у нас до сих пор нет прописки. Не дают, даже разговаривать не хотят. Злятся на нас, говорят, «понаехали тут». Иногда хочется реветь. Директор говорит, что мы у него как «кость в горле». Работа очень тяжелая. Имущество нам удалось вывезти только частично. Во-первых, было много ограничений. Во-вторых, так получилось. Жилья не было, и я мужу сказала, чтобы он в Узбекистане продал как можно больше. А теперь купить очень сложно: зарплата у меня маленькая, сына, который нас кормил, забирают в армию. Дочка временно работает в детском саду, получает 750 руб. Я во всем разочаровалась. Справедливости, мне кажется, нет. Мы никому не нужны. Я обращалась в Миграционную службу, чтобы мне помогли с пропиской. Без этого трудно. Школа тоже требует прописку, медицинские полисы надо без конца переделывать, ведь временную прописку дают на полгода. Детское пособие я получить не могу, потому что у меня прописка временная. Сейчас у меня прописка кончилась, и если младшая дочь заболит, я не смогу обратиться за бесплатной помощью, так как у меня полиса нет. И у мужа нет. Гражданство у нас есть, получили его здесь.

Я ходила в общественную организацию помощи вынужденным переселенцам, обращалась в организацию по правам беженцев, там тоже не смогли помочь. Мне сказали, что мы можем написать рекомендательное письмо, но оно роли не сыграет. Потом я ходила в прокуратуру и теперь хочу подавать в суд на директора совхоза, потому что он мне обещал жилье и постоянную прописку. Жилье дали, но уже 2 года нет прописки. Нас обманули. Договор о работе на 5 лет, я уже 2 отработала. Нас обманным путем заставили подписать договор, сказали: подпишите – мы вам дадим прописку. Договор подписали, прописки нет.

Я получила статус переселенца, думала, от него будет какая-то польза, в частности, для получения постоянной прописки. Но я не верю, что смогу получить ссуду и жилье. Это для меня как миф.

Наше жилье должным образом не оформлено, поэтому я не знаю, делать ремонт или нет. Где гарантия, что завтра нам не скажут: «Выметайтесь отсюда»? Наши проблемы никого не интересуют. Ни разу к нам не пришли и не спросили, а как мы тут. Некоторые местные говорят: «А кто вас звал? Зачем вы сюда приехали?», несмотря на то, что они сами 20 лет назад сюда приехали. Так говорят и те, с кем я работаю, и были случаи, когда говорили прямо на улице. Люди обозленные. Конечно, сейчас такое время, но мне кажется, мы, приезжие, намного мягче. Дочь учится в 7 классе. Один раз она пришла домой и так плакала! Ей сказали, что мы в помойке живем.

Как дальше, что будет с моими детьми? Я стараюсь, работаю, а нам по 2-3 месяца зарплату не платят, хотя работа адская. А заикнешься об увольнении – все, освобождай жилье. Подрабатывать каким-либо бизнесом я не пыталась. Этим делом заниматься – надо иметь первоначальный капитал, его надо где-то взять. Муж почти ничего не привез с продажи имущества. Мы жили благодаря сыну, теперь как-то будем выкручиваться.

Мне кажется, я на любой работе смогу работать. Я боялась к корове подойти, а сейчас запросто. Дома я все могу делать сама: починить, прибить, хотя мой муж прекрасно все делает. Скотину мы сейчас не держим, для этого надо покупать сарай, а пока такой возможности у нас нет. Многие мигранты, наши соседи, мечтают держать корову, но все упирается в деньги. Мы работаем на износ. За 2 года я постарела и похудела на 14 кг, осунулась, глаза провалились. На себя смотрю с содроганием. Мне никто раньше никогда 40 лет не давал.

Здесь очень много бандитизма, хулиганства, в Узбекистане такого не было. Мой сын ехал в Чапаевск, в гости к друзьям. В электричке на него напали 5 человек, избили. Он у меня высокий, худой, и как-то смог оказать сопротивление. Потом, когда электричка остановилась, он выскочил, повезло, что на перроне было 2 милиционера. Они двоих хулиганов поймали, трое убежали. Хорошо, что милиция помогает, когда наших детей обижают.

В общем, я не жалею, что сюда приехали, потому что в Узбекистане мы тоже никому не нужны.

6. Самара

Сергей Геннадьевич, 47 лет, высшее образование, инженер-строитель, женат, двое детей

Я и моя жена родились в Узбекистане. Мы вместе учились в Бухарском политехническом институте. Уехали из Узбекистана в основном из-за детей. Там у детей не было будущего, везде притеснения. Последнее время были конфликтные ситуации и в магазинах, и на рынках, часто мы слышали: «Не нравится – поезжай в свою Россию». Я уехал оттуда в 1994 году. Родители мои тоже уехали оттуда.

Российское гражданство я принял в посольстве в Ташкенте. Приехал в Самару один, здесь жили наши знакомые. Здешний климат ближе к нашему. Знакомые меня встретили на вокзале. Встал сразу на учет в Миграционной службе, получил статус вынужденного переселенца. Устроился монтажником на предприятие «Самаратрансстрой», чтобы получить жилье. Через 2 месяца мне дали комнату в общежитии. На работе платили мало, зарплату часто задерживали, чуть ли не по полгода. Это меня не устраивало, но я был повязан жильем, и не мог сменить работу. 3 года я жил один, жена и дети ждали, пока я обоснуюсь и что из этого получится. Все получили там российское гражданство, через 3 года они приехали ко мне. Сейчас жена работает бухгалтером на том же предприятии, где и я. Работники предприятия платят за жилье в 6 раз меньше по сравнению с теми, кто там не работает.

У себя дома мы имели трехкомнатную квартиру, почти 100 кв. м, жена пыталась ее более-менее выгодно продать, но это сделать не удалось. Продали всего за 800\$. На эти деньги здесь ничего не купишь. Кое-что из имущества оттуда вывезли, в основном предметы первой необходимости. Остальное покупали здесь. Никакой помощи, кроме предоставленного нам статуса, мы ни от кого не получили.

Я не жалею, что переехал в Россию, жена, думаю, тоже не жалеет, хотя проблема жилья у нас не решена, лечение платное, несмотря на наличие полиса, и заработков моих хватает только на питание и на учебу. Прописка в общежитии очень «хитрая». В паспорте не стоит номер комнаты, лишь номер дома. У нас на руках нет ордеров, в любой момент нас могут отсюда выселить. Живем на «птичьих правах». Прежнее материальное благосостояние вряд ли возможно восстановить, может быть, наши дети заработают, для нас перспективы нет. Зато дети учатся в училище.

7. Пензенская область

Сергей Леонидович, 43 года, высшее образование, женат, один ребенок

Я родился и проживал в Ташкенте. Я – вынужденный переселенец, потому что нас оттуда просто выгнали с угрозой расправы всей семье. Когда мы уезжали, нам запретили вообще с собой что-либо вывозить. В поезд можно было взять ограниченный груз – 36 кг на человека. Это 2 чемодана: продукты питания и только необходимые вещи: носки, рубашки, брюки. Любые новые товары нельзя было вывозить из Узбекистана. Мы все бросили и приехали сюда. У нас не было ни денег, ничего. Единственное, что я там успел получить, так это российское гражданство в Посольстве России. Даже не смог выписаться, потому что нам угрожали и говорили, что «все, что здесь ваше, будет наше». Вот единственный ответ на любой вопрос. Перед отъездом у нас проверяли деньги: 1 млн рублей по тем временам была большая сумма, которую не давали вывезти. Тяжело было. Мы, слава Богу, руки не опустили, приехали сюда.

В Ташкенте у нас была шикарная четырехкомнатная квартира, у меня было свое производство. Мой компаньон по бизнесу был еврей. К нему домой пришли какие-то люди и сказали: «Три столба по проспекту тебе, жене и ребенку», он все бросил и уехал в Америку. Мне предложили на выбор: «Или еврей, или компания», я не обратил на них внимания, потом они пришли ко мне снова и сказали: «Раз ты такой умный, значит, и тебе 3 столба, как твоему еврею», «отдавай все». Мы все отдали и уехали. Таких нас очень много.

Здесь мы оказались случайно. Русскоязычное население уезжало куда угодно. Мы приехали в Пензенскую область, село Бессоновка, в 1994 году. Как ни странно (кому ни скажу – многие сомневаются), в Миграционную службу пришел и мне оказали помощь. Прописали сразу, нашли мне место прописки. Я очень благодарен, у меня не было проблем с Миграционной службой. Дали ссуду на приобретение жилья. Небольшую, правда, но нам хватило, чтобы его приобрести. Помогло и то, что у меня уже здесь были кое-какие накопления, я работал. До этого месяц ходил в поисках работы. Повезло, удалось случайно устроиться на работу. Пришел к частному предпринимателю, меня приняли. У меня швейное образование, в Ташкенте был заведующим ателье. Первые 2 года здесь работал портным. У меня всегда висел большой плакат: «Человек, который хочет, ищет возможности, человек, который не хочет, ищет причины». Надо

исходить из этого.

Нашему сыну 10 лет, он инвалид детства, жена постоянно находится с ним. Сын мой молодец, я могу им гордиться: экстерном заканчивает школу, учится в Пензе в педагогическом университете на факультете иностранных языков и недавно поступил на юрфак.

Жилье у нас хорошее – трехкомнатная квартира. Первые 2 года мы жили на квартире, платили много, на всем сэкономили. Безусловно, достичь того уровня благосостояния, которое у нас было, мы не сумели. Нашему поколению в чужом городе тяжело начинать с нуля. Я надеюсь, что сын, может быть, будет иметь то, что было у нас там. У меня была фамилия, которую знали. В Средней Азии, на Кавказе люди говорят: «Имей имя и не имей средств». Я имел имя и знал, что благодаря этому живу. А здесь у меня этого пока нет. Там моя родина, жена тоже там родилась.

Я сейчас менеджер в строительной компании. Основная проблема – нехватка денег. Я не считаю, что я адаптировался, это очень тяжело. Здесь менталитет другой и взгляды на жизнь совершенно другие. Мы живем здесь 7 лет. Адаптация – это понятие растяжимое. Человек в любой среде быстро адаптируется, но привыкнуть или полностью слиться невозможно. Люди, которые здесь жили, не замечают всего того, что мы замечаем. Я здесь русский, но другой.

Да, я советский человек, гордился этим, служил в Советской Армии. Но я никогда не думал, что мы будем видеть и иметь то, что сейчас видим и имеем. Я не мог себе представить, что наши потомки, мои дети увидят то, что видели наши родители, что пережили наши деды: революционные потрясения, войну. Это большие потрясения. Мы оказались в Средней Азии не просто так – это последствия Октябрьской революции. Я был ленинец, с гордостью читал стихи о Ленине, воспитание было такое, и отрывать это все от себя я не собираюсь, это все прожито мною.

Все, что с нами произошло, для нас было нервным потрясением, шоком. Мы не жалеем, что пришлось уехать в Россию. Но внутреннее состояние такое, как будто разорвали круг, в котором были друзья, знакомые люди, город Ташкент, который я очень любил. Раньше я очень много ездил. Как молодой специалист я работал в Прибалтике, в Таллине. Но я всегда тянулся назад, в Ташкент. Это был очень красивый для меня и любимый город. А сейчас я его покинул, и чувства сожаления, как ни странно, нет.

Я надеюсь, что сейчас у детей, которые подрастают, есть будущее. Меня радует, что сейчас мы живем в свободной стране, действительно, в свободной, даже более свободной, чем где-либо в мире. Нас сейчас не пускают в другие страны, а раньше не выпускали из страны, и я горжусь этим. Я попытался поехать к друзьям в Америку, Израиль. Меня не пустили, хотя были гарантированные предложения. И мне это не было обидно. Я, наоборот, был горд за страну Россию, что мы вправе куда угодно поехать, а они в более низком положении, чем мы, потому что они боятся чего-то, что мы увидим то, чего они раньше хотели видеть в нас. В Америку не пустили, в Посольстве дали отказ. Просто сказали «Нет», и все. Я сказал, что я еду к друзьям, показал гарантированное приглашение, они гарантируют билеты, проживание и т.п. И все равно не пустили. Друзья там очень сильно были разочарованы, не поверили. Я им сказал, что это мы сейчас живем в свободной стране, а они живут в Советском Союзе по имени Америка.

8. Пензенская область

Виктор Иванович, 54 года, высшее образование, женат, двое детей

Я работаю не по специальности по той причине, что сейчас трудно устроиться на высокооплачиваемую работу по моей специальности. Потребность в рабочей силе мала. Сейчас устраиваются в основном по знакомству. А у нас таких знакомых нет, и потому нет перспективы, работаю простым рабочим. Моя специальность – инженер-механик, учился в Узбекистане в политехническом институте. До перестройки работал инженером на станкостроительном заводе. Мы рассчитывали, что будем жить и работать в городе. Родились мы в Узбекистане. Родители жены из России, мои – из Украины. У жены отец был военный, его направили служить в Узбекистан, и там они остались.

С началом перестройки обострились межнациональные проблемы. Когда наш сын пытался поступить в институт в Узбекистане, ему всячески препятствовали. Русскоязычной молодежи там учиться не дают. Естественно, мы заинтересованы детей поднимать. Мы оба с высшим образованием. Сюда, в Пензенскую область, приехали с надеждой, что здесь будет легче. Тут, по крайней мере, снимается национальный вопрос, кроме того, у нас здесь много родственников, друзей.

Я приехал сюда на разведку в 1994 году, семья приехала в 1995. В то время легко предоставляли статус вынужденных переселенцев. Поселились сначала в Пензе, я устроился сантехником. Жили в подвальном помещении, у нас была одна комната. Ужасная сырость, вся постель была мокрая. Стали искать работу жене. Нашли в селе, обрадовались. Она устроилась по специальности учительницей. Нам повезло, что там была учительская изба. А через 2 года изба сгорела, и имущество наше

сгорело вместе с ней. Пьяницы забыли потушить костер возле избушки. Дочери было 5 лет, мы ее вынесли на поляну. Шифер стрелял, как зажигательный снаряд. После этого мы еще не совсем отошли. Мало того, что мы оставили квартиру с мебелью в Узбекистане, в России пришлось пережить новый стресс в связи с пожаром. Сгорела мебель, которую нам дали люди.

Сын в это время служил в российской армии. Мы решили, что если сын после армии поступит в институт, значит, останемся в России, если нет – поедem назад. Особой уверенности не было. Но Бог есть, нам повезло, что Миграционная служба дала эту квартиру. Это единственное, что мы увидели в России хорошее, доброе. Счастье наше, что есть крыша над головой, хотя дом построен из самых дешевых материалов, он рушится. Стены уже «поехали». Вот немного разбогатели, купили обои. Стали клеить – стены расходятся, потому что строили его, лишь бы сдать. Но мы и этому рады. Другие люди и того не имеют. Жена сейчас работает в школе военруком, уже 5 лет. На последний сбор она одна повезла 37 пацанов, юношей 10 классов. Разве она там бы работала военруком? Никогда в жизни. Жизнь заставляет, потому что надо работать. Учителя истории в этой деревне не нужны, их много, потому что молодой учитель в селе имеет отсрочку от армии, а военрука не было уже 5 лет.

Многие отсюда ездят работать на север. Первая мысль у меня была тоже уехать туда работать. Здесь было бедственное положение. Были задолженности по зарплате, вместо наличных денег выдавали продуктами и товарами. Но продукцию выдавали дороже, чем в магазинах, то есть выгоднее было бы ее купить за наличные деньги.

Я работал в совхозе механизатором по уборке и очистке коровников. Проработал 3 года, потом перестали платить, жена с трудом выбила задолженность по зарплате за 3 месяца (1200 рублей). А у нас все сгорело, надо делать много покупок. Разве на эти деньги купишь? Это – мизер. Тогда мы решили, что надо мне поехать на север, заработать денег и начать нормальную жизнь. Поехал туда. Вскоре началась перестройка, реформы 1998-99-х годов, в итоге там тоже перестали платить. Я проработал 4 года в Сургуте, сначала в акционерном обществе, потом – в частных фирмах. Нигде у меня не шел стаж. Нас, приезжих, брали на работу с этим условием. В итоге у меня выпали 4 года стажа. Зарплата была низкая, денег, что я привозил, хватало только на еду, хотя я очень экономный. Я получал там 1500 рублей, 500 рублей оставлял себе, а тысячу высылал жене. Жена все лето ходила на дачу по 3,5 км одна с ребенком, выращивала овощи, чтобы не умереть с голоду. Когда я приехал, в Узбекистане тяжело заболела моя мать. Сестра привезла ее сюда. Через год она умерла, так как подобающего лечения не было ни там, ни здесь. Вскоре заболела и умерла мать жены. Родители умерли больше от тоски.

Видя, что в Сургуте ничего не получается, я решил поехать в Москву. Москва поближе, расходов поменьше. На дорогу на Север уходит очень много денег, ездил за свой счет, мне ничего ни разу не оплатили. В Москву тоже за свой счет, но это дешевле. И в Сургуте, и в Москве я работал в строительных фирмах. И везде привилегии отдаются местным, а приезжие работают там, куда местные не идут. В Москве я работал 2 года в маленькой строительной организации, неофициально. На сегодняшний день, слава Богу, попал в солидную строительную фирму и своим трудом доказал, что могу работать и получать достойную оплату. Сейчас получаю прилично. Но я основной кормилец в семье, а у нас, кроме меня, еще 4 человека, все взрослые, всем нужно немало. У нас двое детей и еще с нами живет племянница. Ей не дают ни паспорт, ни прописку, так как мама – гражданка Узбекистана, а девочке 16 лет. Приехала сюда, потому что если бы там закончила школу, получила бы узбекский аттестат на узбекском языке. Куда потом с ним? Кому она здесь нужна?

Уехать никуда мы не можем, так как жена работает в школе, а сын недавно закончил Пензенский университет, он молодой инженер, зарабатывает стаж. Работает пока на радиозаводе. Рвется в Москву, но у нас там нет никаких знакомых. Сыну 27 лет, он не дурак, не пьяница, умница и красавица. И профессию получил, и армию отслужил, а жениться не торопится, так как живет в Пензе на съемной квартире.

Нет острее проблемы, чем наша паспортная политика. Это издевательство над нашими людьми. Считается, что «Все, кто хотел, уехали». Десять лет для этого недостаточно. Есть люди, которые обременены старыми, больными родителями. Они желают оттуда ехать, но не могут. Они застряли из-за родителей. Моя мама была раковая больная, она была нетранспортабельна. Как моя сестра могла ее оттуда увезти? Зачем ставить препоны? Люди должны беспрепятственно ехать в Россию, если они желают стать россиянами. Еще одна проблема – получение гражданства. Раз люди хотят получить гражданство, надо создать условия для этого, а не заставлять ждать 5 лет, а там еще посмотрят, дать гражданство или нет.

Переселенцев на местах встречают предвзято: «Чужие, они нам не нужны». Воровство. За одну ночь 18 замков сняли с сараев у жильцов нашего дома и взяли все, что можно было унести. Полиция засвидетельствовала, но виновных не искали. У нас велосипед с одним колесом украли из сарая.

Тракторами выдергивают в сараях железные двери и забирают скотину. Каждое утро душа болит за поросенка.

Нам этот переезд стоил седины, боли, крови и т.п. Мы гораздо больше потеряли, нежели приобрели. Мы люди неглупые и работоспособные, трудолюбивые. Вот на это мы и рассчитываем, думаем, что все равно выживем. Наша дочь не будет работать на селе. Она отличница, очень любит музыку, играет на пианино. Мы надеемся, что она в этом найдет себя. Здесь тяжелые условия для жизни, но счастье, что здесь есть музыкальная школа, и довольно хорошая, и процентов на 90 учителя приезжие. Школа эта работает неплохо.

Жена – Татьяна Яковлевна

Мы живем здесь в ужасных условиях. До этого мы жили в избушке, нас было 12 человек в одной комнате, потому что приехали еще другие родственники. Жили мы в деревне, пока не сгорели. И отношение к нам не как ко всем. Мне в школе говорят: «Вы хоть в 100 раз будете лучше нас, все равно вы плохие, потому что вы приезжие, вы – чужие». Что говорить тогда о детях? А о старухах, которые говорят: «Понаехали, чужеземцы проклятые, наш хлеб едите»? Наслушались мы их досыта.

Если честно, сказали бы мне сейчас «Если ты пойдешь туда пешком, вернешься, все люди будут на месте, все будут живы и здоровы, я бы пешком по шпалам шла сутками, лишь бы все вернулось назад и чтобы я жила там, где жила, и чтобы меня никто не попрекал куском хлеба».

Я делаю мужскую работу, не свое дело. Каждую летнюю и осеннюю спартакиаду я везу учеников отстаивать честь района. На летней всероссийской спартакиаде они стали бронзовыми призерами в соревнованиях по преодолению военной полосы препятствий. Я сумела их подготовить. У меня мужской характер, я – сильная, волевая женщина, но последние сборы меня до того довели, что я чуть не с инфарктом приехала. Сейчас на больничном, у меня нервный срыв, стресс, я вымоталась, устала, не могу больше. Потому что нельзя на одного педагога взваливать 37 юношей. Мне сказали, чтобы я поехала с ребятами, а потом мне кого-нибудь пришлют в подмогу. 5 дней и ночей я была с пацанами-десятиклассниками одна. Они гулять выходят после 10 вечера, так как они привыкли, у них – коровы, свиньи, пока с ними управятся... Ложатся в час-два. А у нас в 22 часа – отбой, я их должна уложить. Мы их стращали, наказывали. Полевые сборы – это момент преподнести им уроки дисциплины, к которой они не привыкли.

Много проблем у нас возникает с племянницей. Мы всеми правдами и неправдами на год сделали ей временную прописку. Кого я только ни прошла! Ввязалась в выборы, иначе надо было 1 раз в 3 месяца отмечаться в паспортном столе. И каждый раз за все справки платить. Это – «доильный аппарат». Каждый раз мне надо было отпрашиваться с работы. Нужно было выстоять огромную очередь, а я – учитель, должна отпрашиваться с уроков. Оформила опеку над племянницей. Но мне говорят, что российское гражданство она не получит, потому что для этого ее мама должна либо умереть, либо сесть в тюрьму, либо ее должны лишить родительских прав. До сих пор над мигрантами-«иностранцами» со стороны милиции сохраняется бдительный контроль.

Сможем ли мы когда-нибудь достичь прежнего уровня материального благосостояния? Если изменится политика, не будут иногородним ставить палки в колеса, тогда возможно, потому что мы не из тех, кто живет чужим трудом, мы своим трудом зарабатываем. Обидно, ведь мы не дураки и не лодыри, а оказались в такой ситуации. Мы ни дня не сидели без куска хлеба. Но ведь я приехала в августе, а первые заработанные деньги получила 31 декабря. А нам нужны и одежда, и лекарства. Я учитель, я не могу ходить в рваном-штопанном. Как можно учителю не давать зарплату? Неужели правительство этого не понимает? Я должна придти веселая, отдохнувшая, с блестящими глазами. Дети меня уважают больше, чем коллектив. Столько там отработала, но ни слов благодарности, отгулы не выпросишь. Дети более благодарны.

В целом мы оциуцаем разницу в том, как мы жили в начале приезда и сейчас. В нашей семье это заметно, во-первых, потому, что сын закончил университет, стал от нас брать меньше, во-вторых, повезло, что он устроился на фирму и стал получать неплохую зарплату. Мы сделали ремонт, купили обогреватель. В этом году я вырастила лук, построили погребок внутри сарая.

9. Пензенская область

Татьяна Васильевна, 53 года, среднее образование, трое детей

Я родилась в Грозном, всю жизнь там прожила безвыездно. В 1994 году младшему сыну было 5 лет, мы бежали из-под танков. А старшие дети выехали, когда уже началось полное безобразие. Приехали в Пензу. Работы нет, жилья нет. Работу найти невозможно. Я работаю только 2 последних года, в конструкторском бюро, получаю 1000 рублей. В прошлом году мы получили компенсацию за потерянное жилье через суд, потому что у нас не было документов на квартиру. Выплатили мне за двухкомнатную квартиру улучшенной планировки 120 тыс. руб. А 7,5 лет мы жили

на частной квартире. Только сейчас переехали в свой домик. И то смогли купить его только в селе. Домик без газа, без воды, в Пензенской области. Приезжаю в Пензу на работу. На дорогу уходит полтора часа в один конец. В день уходит на дорогу 24 рубля. А в селе вообще нет никакой работы.

В Грозном я работала на заводе контролером ОТК, в последние годы перешла на вредное производство в цех пластмасс, чтобы заработать вредность и уйти раньше на пенсию. И вот сейчас нет документов и все мои льготы пропали. Летом 1994 (до войны) муж был в командировке в Пензе, ему здесь понравилось. Ему предложили работу на заводе по специальности. Таким образом, когда мы приехали, у него уже была работа. Только этим мы и спаслись.

Муж – Анатолий Николаевич, 54 года, среднее техническое образование

Мы – беженцы из Чечни. Приехали именно сюда по одной причине – что здесь была работа. Были составлены договоры насчет семейных общежитий. Создали здесь предприятие вместе с другим учредителем из Грозного. Но после того как приехали, все, к несчастью, развалилось. Я приезжал сюда налаживать предприятие, которое бы занялось электрофотографическими аппаратами, так как я работал на заводе «Электроприбор» – единственном в Союзе по выпуску таких аппаратов. Но все предприятия, которые мы могли бы обслуживать, практически перестали существовать или сократили свою деятельность. Поэтому мы здесь года три были не только без жилья, но и без работы. Естественно, и без денег. Сейчас потихонечку встаем с колен.

Я работал по трудовым соглашениям. Зарабатывал копейки, которых не хватало не только на уплату квартиры, но и на питание. Сейчас благодаря Общественной организации вынужденных переселенцев из Чечни «Светоч» выиграли суд, получили компенсацию за оставленное жилье, она, конечно, смешная, даже не во всех деревнях на нее можно купить что-либо подходящее для жилья. Мы купили гнилье. Оно само по себе не приспособлено для жилья. Чтобы его привести хоть чуть-чуть в норму, надо вложить еще минимум столько же денег, не нанимая никого, платя только за стройматериалы, потому что сруб без фундамента, стоит на столбиках, воды нет, газа нет. Дом стоит в том месте, где очень много грунтовых вод. Никакой фундамент там не выдержит, нужно делать дренаж. Чтобы иметь то, что мы имели там, в Чечне, здесь потребуется еще 10-20 лет.

Из того, что мы смогли взять с собой, уже практически ничего не осталось. Если бы мы все это бросили там, было бы легче с квартиры на квартиру переезжать здесь. Жене там пришлось бросить квартиру (у нас второй брак), а я свою квартиру поменял на 2 контейнера. Если бы мы не нашли людей, которые заплатили за контейнеры, мы бы привезли только то, что на себе.

Наши родители умерли. Родственников разбросало по всем краям. Я окончил политехнический техникум. Родился, вырос и прожил в Грозном. Там было у нас все. Квартира прекрасная, сад, огород, работа чудесная. Когда мы сюда приезжали, здесь было тоже все замечательно. Молочные продукты были дешевые, и автобусное сообщение было прекрасное. Дешевле, чем где-либо. Но жизнь здесь резко изменилась. Я понял, что надеяться здесь не на кого, лучше не терять время на хождения по бюрократам, а добиваться всего самому. Миграционная служба только «ставила палки в колеса». Когда появилась возможность приобрести этот дом, мы уже стали чувствовать себя людьми.

В основной массе мигранты с юридической точки зрения – неграмотные люди. Они не знают, куда обратиться, по какому вопросу, что может сделать Миграционная служба. Если бы не наша общественная организация ассоциация «Светоч», вообще бы ничего не было. Только здесь собрались люди, которые действительно от души помогают мигрантам по любому вопросу. Прежде всего, в организации очень хорошая юридическая служба. Если бы не юрист, не руководители, мы компенсацию не получили бы до сих пор, так как Миграционная служба делает все возможное и невозможное, чтобы ничего для людей не сделать.

Местные жители относятся к беженцам не очень радушно. Мы сами стараемся обходить конфликты. Своим соседям помогаем, что-то для них делаем, особенно одиноким бабушкам. Но даже те люди, которым мы здесь помогаем, называют нас за глаза «чечены».

Мы здесь 7 лет скитались по квартирам. Жили в таких квартирах, где при полностью раскаленной печке вода на полу замерзает, крысы бегают. Ночью просыпаешься от взгляда, что кто-то на тебя смотрит, откроешь глаза – крыса. Я думаю, что мы не единственные. В большинстве своем мигранты сталкиваются с теми же проблемами. Здесь, в центральной полосе России, цены на жилье так подскочили, что компенсация теряет свой смысл, на нее жилье купить невозможно. Нам говорят: «Поезжайте в деревню». Что я там буду делать? Смогу устроиться только чернорабочим? У меня же есть прекрасная специальность. Здесь я сделаю гораздо больше, чем где-либо.

Мы живем за чертой города, прописка у нас областная. Первые два-три года мы прожили без прописки, потому что не у кого было прописаться. Это большая проблема для всех мигрантов, особенно тех, у кого здесь нет ни знакомых, ни родственников. Жену прописали через неделю после

подачи документов на прописку, а меня тянули месяца три, если не полгода. Посылали запросы в Чечню, всем ясно, что никаких ответов оттуда не будет, но все делают вид, что они выполняют свои обязательства. Через полгода, и то с помощью знакомых, я получил прописку.

10. Сызрань

Миля Евгеньевна, 52 года, высшее образование, руководитель общественной организации «Переселенец»

Я жила в Чечне, в Грозном. 1 декабря 1995 года город начали бомбить. Народ смотрел на наши войска как на освободителей. Потом выяснилось, что это усугубило наше положение и осложнило нам жизнь.

Я окончила Грозненский университет, экономический факультет. Очень много работала, сразу в нескольких местах, открывала предприятия, подрабатывала методистом на станции юных натуралистов, великолепно шила. Последний раз я покинула Грозный в 1998 году. То есть я уехала в 1996 году, но в силу обстоятельств мне пришлось возвратиться, надо было сдать квартиру, взять документы. А в моей квартире уже были бандиты. Идти туда было опасно, меня бы расстреляли, как расстреляли почти всех в нашем дворе. Я успела уйти, меня спасла моя внимательность. Когда я поднималась по лестнице, услышала голоса в своей квартире, потихонечку, на цыпочках, развернулась и ушла к своей подруге, чеченке. Я смогла выехать. Когда проходил чеченский патруль, меня положили в багажное отделение поезда, на меня набросали вещи. Я терпела, пока мы не выехали с территории Чечни. Мою любимую подругу убили чеченцы, погиб мой брат. Когда я смотрела с экрана фильм о Чечне, у меня внутри все переворачивалось.

В Россию я выехала одна, своих родителей нашла в Сызрани. Первое, с чем я здесь столкнулась, – равнодушие чиновников в Самарской миграционной службе. Ее руководитель предложил: «Сдавайте своих родителей в дом престарелых, а Вы живите здесь». Я была в шоке. Вы представляете, что такое приехать с Кавказа и сдать своих родителей? А они были еще в силе. Это же позор у нас на Кавказе своих родителей куда-то сдать! В коридоре ко мне подошла женщина и сказала: «Вы не представляете себе, что будет, если их сдадут в дом престарелых, отнимут документы, у них высокая пенсия, и Вы никогда их не вернете обратно».

У меня взрослый сын, женат, со своей семьей живет сейчас в Твери. Я – председатель организации вынужденных переселенцев «Переселенец» города Сызрань. Одновременно являюсь председателем Совета Самарской межрегиональной организации. В прошлом году я выиграла грант Фонда Сороса на поддержку организации, 6 тыс. долларов, но это мизерные деньги. Почти все их я потратила на приобретение техники для того, чтобы ни от кого не зависеть и не унижаться, прося сделать тот или иной документ.

В Грозном, чтобы спастись от боевиков, я прыгала с третьего этажа, меня избивали солдаты. Но я никогда не думала, что и в России столкнусь с жестокостью и непониманием. На моем подъезде было написано «Чечня», меня взрывали, издевались, а я не реагировала. Ждали, что я отсюда куда-нибудь перееду. Я не бегала никуда жаловаться. И те, кто это делал, наконец, устали делать мне пакости.

Я видела, как приезжие приходят к юристам, суют им деньги и получают любую прописку, сами никуда не ходят, пользуются юридическими консультациями. В нашей паспортно-визовой службе очень сложно что-либо получить, чиновники стараются не пускать меня на порог.

За то время, что я живу в России, я поняла, что если мы не будем заниматься бизнесом, мы здесь не выживем. Для этого нам необходимо создать рабочие места тем, кто хочет работать. Сейчас наша организация работает по программе помощи и поддержки малых народов Крайнего Севера. Я была в Ямало-Ненецком национальном округе. Мне люди понравились, хотелось бы наладить сотрудничество с ними. Нашу организацию никто не финансирует. Все, что я делаю, я делаю за свои деньги и по своей инициативе. Уж если государство не хочет нам помочь материально, то пусть хоть дадут нам возможность эти деньги заработать. А для этого нам нужен стартовый капитал, который мы просим в кредит. Я знаю, кому надо помочь: кому-то материально, кому-то с жильем. А сейчас у меня нет такой возможности. Сердце хочет, руки готовы отдать все, а дать нечего.

11. Самара

Валентина Васильевна, 51 год, высшее образование, руководитель общественной организации «Самарский переселенец»

Мне 51 год, в Ташкенте закончила Ташкентский политехнический институт, работала от рядового рабочего до начальника участка. Сын родился в Тольятти. В то время моя мама работала на строительстве в Узбекистане, и я приехала рожать поближе к маме. Потом мы переехали в

Ташкент, так как там жил мой муж.

До 1991 года жили дружно, ворота можно было не закрывать. Обычаи мы знали и соблюдали, мы жили по узбекским законам. Все началось после принятия независимости. Появились наркотики в открытом виде, часто стали происходить стычки с коренным населением – это были провокации. Невозможно было выходить на улицу. Даже по радио и телевидению объявляли: «Никому двери не открывайте, свет тушите и не выходите!» После того, как я приехала из Спитака после землетрясения, где жили родственники мужа (я с первых дней помогала восстанавливать город), мои соседи, увидев меня, сказали: «Скоро этих русских свиней будем резать».

Чисто психологически там очень сложно. У нас в городке, где жила мама, были студенческие волнения, с пистолетами, среди молодежи часто возникали конфликтные ситуации. К нам, русским, обращались с матом. Вечером идешь с работы, преграждают дорогу и спрашивают: «Когда вы отсюда уедете?» Было жутковато. Молодые продавцы в магазинах не обращали на нас внимания, отворачивались. Там началась «бархатная» революция. Нас просто молча убивали, складывали в ванну. Не грабили, а просто убивали. У маминой подруги зять шел с работы – и его убили. Татар там не любят еще более чем русских. Татарку удушили в собственной квартире, положили в ванну, налили воды и квартиру подожгли. В другом доме убили так же мужчину, и все одни и те же лица, соседи. Их все знали, но невозможно было доказать. А сказать было некому.

И миграционный процесс начался. Я ехала с такой надеждой в Россию! Я слышала, что в Самаре мигрантам давали жилье, ехала с розовыми мечтами, что мне тоже должны помочь. В Россию приехала в 1993 году, получила российское гражданство. К сожалению, муж заботился только о своем драгоценном здоровье. В 1994 году он нас навещал, но видя, в каких условиях мы живем, ужасную нищету, он уехал в Сибирь.

Мы переехали в Россию в разное время. Вначале мы с сыном уехали, в 1993 году. Самарская область была выбрана не случайно. Во-первых, это мамина историческая родина, во-вторых, я рождена здесь, в Самаре. И мама настояла, чтобы мы прибыли сюда. Мама все время повторяла, что родные стены помогают. К сожалению, это не так. С каждым годом ты ощущаешь, что якобы ты не уезжал из республики, где жил в многонациональном городе. С каждым годом в России прибавляется националов, которые становятся ее гражданами. Там мы опасались за свое физическое уничтожение, здесь, по-моему, мы уничтожаемся морально. Националы – это таджики, киргизы и др. Это не национализм, но перебор в нашей политике, когда имущему доступно все, а неимущему – нигде и ничего. И там все отобрали, и здесь нам не дают. Паспортно-визовая служба на уровне города почему-то не питает нежных, даже чисто человеческих чувств к своим соотечественникам.

Мы ехали сюда с душой, с надеждой. Я не жалею о том, что приехала, только потому, что я теперь как бы чуть-чуть защищена, потому что я среди своей нации. Это единственное, что успокаивает, а там живешь постоянно в страхе, прислушиваешься к каждому стуку.

Жалко наше подрастающее поколение. Наша молодежь, которая приезжает с нами из бывших республик, не пьет, не курит, наркотики для нас исключены. Но мы видим, что тут творится в России. У нас этого не было. Националы не уничтожают свою нацию, как наши русские. Наши мальчишки пропадают. Многие ломаются. В 19 лет человек не может поступить в учебное заведение, у него нет паспорта. Но это же не выход – собирать их и отправлять в армию. В 11 лет молодежь уже колется. Это катастрофа – уничтожение своей нации.

Я работала здесь неофициально и в качестве рабочего. Кто меня возьмет без прописки? Устраивалась в частных фирмах, потому что было какое-то положение, о котором мы не знали. Мы были юридически неграмотными. Нас не принимали на работу, говоря: «Если я Вас возьму, значит, я должен предоставить Вам жилье, и поэтому работать лучше неофициально». Я по профессии строитель, сейчас, можно сказать, и юрист, и психолог, руководитель общественной организации «Самарский переселенец». Мы работаем на общественных началах, в рамках закона и права. Нас поддерживают УВКБ, Фонд Форда. Меня часто приглашают на телевидение дать нашим переселенцам рекомендации, куда обратиться, потому что очень много необоснованных отказов. Многие люди годами нас ищут, получают отказ в Миграционной службе, где их отправляют до тех пор, пока не будет гражданства и прописки. Человек ошарашен, он не знает, куда идти, и тут он натывается на наше объявление, которое висит в Миграционной службе, и обращается к нам. Наша организация насчитывает свыше 380 чел. Сейчас поток мигрантов меньше. За весь период деятельности через нас прошло 15000 мигрантов.

У меня и членов моей семьи статус переселенцев. Мы были беженцами после событий в Фергане, Ташкенте, в 1995 году нас уже перевели в вынужденные переселенцы. Три года нас пугали, что отправят назад. До сих пор в Миграционной службе говорят о том, что «понаехали», «уезжайте туда». Не знаю, почему такое страшное неприятие нас. Часто просто шокирует, что чиновник

говорит переселенцу, такому же гражданину, как он, «Пошел вон, в свой Казахстан или Узбекистан!». Однако нам звонят фирмы, большие компании и делают заявки на рабочую силу, даже независимо от возрастного ценза. У нас хорошие специалисты, на фоне негатива эта профессиональная востребованность вызывает положительные эмоции. Районы делают много заявок. Знают, что переселенцам некогда гулять, прохлаждаться, им нужно каким-то образом обустроиться. И они нас находят по справочнику, много о нас пишут в печати, говорят, нас показывают по телевидению. И они нам звонят, делают заявки, мы потом с ними созваниваемся, направляем людей. Но в основном люди узнают друг от друга, потому что наши переселенцы газет не читают, связь есть у немногих. Мы даем грамотные консультации по вопросам гражданства. Совсем недавно к нам пришла посетительница, которую так проконсультировали в отделе миграции при паспортно-визовой службе, что она якобы вообще никогда не получит гражданства. И она была в шоке. Мы ей дали консультацию, и она уже сдала документы.

Когда я создала организацию, сын сказал, что ему надо заканчивать юридический. Еле выживая, он закончил коммерческий институт в Самаре. С пониманием относится к проблемам мигрантов и оказывает большую юридическую и организационную помощь в работе переселенческой организации. Сейчас к нам пришел работать еще один грамотный юрист из того же института. К сожалению, им приходится работать на волонтерских началах. Мы стараемся сглаживать конфликтные ситуации, работаем по всей Самарской области. В прошлом году мы помогли создать общественную организацию в Сызрани, учим, как правильно оформить, как правильно заполнить грант, который они получили от Фонда Сороса. Мы взаимодействуем со всеми, на практику к нам стремятся желающие. В прошлом году мы получили грант на юридические консультации. Кроме того, мы проводим акции по сбору вещей. Сейчас к нам приезжают более-менее одетые люди, и меньше поток, а в 1997-2000 годах приезжали полуголые. Расселение происходит в общежития, подобные нашему, в котором мы живем. В нашем общежитии живут 11 семей переселенцев, остальные – бывшие сотрудники треста «Самарастройконструкция», с которым город заключил договор.

В Самаре нет компактных поселений, город противится расселению мигрантов. У нас большие сложности со всеми государственными структурами. Отказывают все. Приходим в администрацию, а там как услышат «переселенец», отсылают нас в Миграционную службу, не записывают на прием. Нашей организации до сих пор не дают официального статуса. Миграционная служба нас воспринимает как контролирующую их организацию. Переселенцы после посещения депутатов и зама мэра Самары пришли и стали пить валлидол. Особенно негативное отношение испытываем со стороны Управления по муниципальным преобразованиям общежитий. Они считают, что нас вообще надо выкидывать из общежитий. У нас практиковалось, что освобождали общежития в подвалах для расселения переселенцев. Доводы такие, что люди не могут возражать. Однако я ходила по всем этим общежитиям – это ложь, переселенцев там нет, а помещения передают совершенно на другие нужды совершенно иным структурам. Нередко слышим, рапортуют о том, что переселенцам якобы дают земли, строят дома. Но это частная земля под коттеджи, предназначенная отнюдь не переселенцам.

За 2 года в результате самоуправных действий администрации уровень материального благосостояния нашей семьи упал. Приходится много вкладывать своих средств в сохранение и функционирование организации. После того, как меня здесь «кидали», унижали, я сказала себе, что я должна помочь другим. Я видела, как люди погибали, ломались. Сейчас у меня накопилась такая злость! И чем больше я помогу, тем мне легче. Спротивление среде держит. Приходят молодые ребята, как квашня, я всегда имела подход к людям, и после нелегких бесед – смотришь, человек поднимается.

Меня часто вызывали в Миграционную службу. Я выбрала такую тактику: однажды пришла и сказала: «Хотите Вы или не хотите, вы будете со мной работать», и ушла. Это как мир животных. Если одного терзают, значит, ты слабый, и мы тебе поможем его задавить. Первую старосту я поддерживала, потому что она помогала переселенцам, мы решили открыть свое дело. Люди разные, и начались амбиции, почему поддержали ее? Мы с ней поработали. Стали меня обвинять в том, что я помогаю строить только своим любимчикам. А я себе не могу построить. Следом – звонок из Миграционной службы, какое мы имели право что-то делать без них, хотя я неоднократно их приглашала к сотрудничеству. Надо спросить разрешение, а у нас оперативная работа, нам некогда, мы собрались и поехали. В очень грубой форме разговаривали со мной, тем более в присутствии обиженных. Я устала от этих необоснованных обвинений, но я никогда на них не жалуюсь ни в один орган.

Переселенцы живут по 5-7 лет без регистрации. Нет денег и места, где бы можно было людям зарегистрироваться, и вот теперь они вновь никто. Их сейчас чаще останавливают. Людям со

смуглой кожей сложнее. К нам обращаются и представители коренной национальности, которые бегут в Россию. И если мы знаем, что это порядочный человек, нас не подведет, мы даем такого рода справку. Он заполняет анкету, я ксерокопирую все документы, которые он предоставляет, и даю справку, что мы занимаемся его регистрацией. С этой нашей справкой он считает себя защищенным. Он пишет заявление о том, что просит нашего содействия в регистрации, а мы ищем, где бы его прописать, зарегистрировать, в частном секторе. Регистрацию находим, например, у хозяина дома. Люди за деньги регистрируют. Регистрация действительна в течение трех месяцев. Те, кто имеет возможность заплатить, оформляют регистрацию таким образом.

У нас есть многодетная семья, у которой нет таких средств. Семья фактически распалась. Женщина работает дворником в ЖЭКе, дали ей жилье, правда, неблагоустроенное, ветхое. Но она зарабатывает по чужому паспорту. Мы долго работали по ее вопросу. Куда только ни обращались, нигде не получали поддержки. Начальник паспортно-визовой службы Самары относится с неприязнью к переселенцам. Этим людям было отказано в регистрации. Мать не получает детские пособия. Мы их одели-обули на все времена. Но дети растут. Чиновников не волнуют ни проблемы медицинского обслуживания, ни соцобеспечения.

Жалеем ли мы, что уехали из Узбекистана? – Мы жалеем, что началась перестройка, до этого мы жили нормально.

Сейчас знакомые прислали письма. Те, кто собирается уезжать, не могут вывезти ничего, мебель вывозить не разрешают, бери чемодан – и уезжай! Как в Таджикистане. Узбеки имеют по 5-6 квартир. Там осталось еще много русских, тех, кому ехать некуда. Основная категория – пенсионеры. Живут, пока их физически не уничтожат. Русские уголовные дела там не рассматриваются, это подвергается забвению.

Я не согласна с мнением о том, что горожане стремятся жить в городах. У нас в области многие горожане остаются в селах. Люди говорят, что лучше бы мы сразу приехали в село, чем мы колесили в поисках жилья и работы по городу Самаре. У кого есть возможность приобрести какую-нибудь развалюшку, они это делают и моментально, глядя на соседей, начинают возделывать огороды, и этим выживают. И сейчас мы, в основном все горожане, 50 семей, просим участки. Я уже 2 года прокручиваю этот вариант. У нас есть земельный кооператив, который я нашла, который понимает нашу проблему, так как у него много переселенцев, с такими организациями мы дружим. Он нашел для нас дешевый материал, чтобы построиться. Но нам не дают официальное разрешение. Куда мы только ни обращались. Глава администрации нам отказал. И теперь мы решили напрямую обратиться к Путину. Я знаю, что переселенец никогда не будет ждать 7 лет, как местные, будет строить по кирпичику. У нас много вариантов дешевого жилья, желание скорее занять свой угол, а не бегать по частным, и все готовы за лето построить своими руками что-то вроде наших летних кухонь, которые дают возможность жить и зимой и летом. Каждый откладывает по копейке. У нас надежды только на землю.

Мы отбираем чуть ли не по конкурсу желающих построить дом на земле, живущих пока в общежитиях, без права продажи, обмена жилья, потому что мы уже знаем многих своих переселенцев, которые желали бы там построиться, а затем обменять дом и землю на квартиру. Но они смогут выменять квартиру только у того, кто пьет либо употребляет наркотики. А мы хотим, чтобы поселок был чистый. Такие строгие у нас правила. И все с этим согласны. Кто с этим не согласен, он с нами не идет. И вот на таких условиях люди пойдут в село. От этого поселка, где мы просим выделить нам участки, 40 минут на автобусе до города, поэтому проблем с учебными заведениями для детей не будет. Кроме того, мы просим участки не в стороне, как прокаженные, а в населенных пунктах, чтобы мы соединились, наконец-то, с местными жителями. Нам же интегрироваться, обжиться, адаптироваться надо!

Но не все переселенцы занимают активную позицию. У нас сейчас в одном селе такая ситуация, когда администрация идет навстречу, готова выделить землю переселенцам под строительство жилья, но они не хотят. Они живут в бараках, вода в доме, газ есть, живут на горе, в стороне от села. Это иждивенческая позиция, когда люди считают, что все им только должны, что Миграционная служба должна, Путин должен, поэтому я всегда пишу, что нам не нужно строиться где-то на отшибе, а, наоборот, приближенно к населенному пункту, чтобы мы могли соединиться. Я не думаю, что появятся проблемы с местными жителями. Эти проблемы постоянно у нас есть. Эта зависть... Та же ситуация в компактных отдаленных поселениях. Одна переселенка смогла завести 4 коровы, прикупить еще свиней, кур. И лодыри и тунядцы, которых немало среди переселенцев, начинают ее притеснять. Такая полоса пошла с прошлого года. Не секрет, что многие переселенцы хуже, чем местные. Это те переселенцы, которые приехали первые, которые получили сразу жилье, они не мотались, как мы, они совершенно другие. Прежде чем сюда заселиться, я моталась 1,5 года в поисках жилья и работы. Я не понимаю тех людей, кто переезжает с квартиры на квартиру, кто не желает приложить собственные усилия для строительства и обустройства.

Недавно был интерактивный опрос по переселению. И многие сравнивают нас, переселенцев, с

цыганами. Много изначально было преподнесено так, что не благо мы, а зло. В нашей области мы живем своей жизнью. Мы в основном – все неполные семьи, некоторые здесь разошлись, потому что мужчины боятся сложностей. И в основном неполные семьи поначалу оседают в городах. Но, столкнувшись с глухими барьерами, люди переориентируются на сельскую местность. Почему такой страх, такое рвение к земле (дайте мне огород, я картошку посажу, землянку вырою себе)? Потому что надежды ни на кого нет. Поэтому среди мигрантов больше женщин. К нам едут переселенцы из Пензенской области, из Оренбурга и из других областей. В Самарской области большие поселения казахов, узбеков.

Переселенцы нередко работают на выезде. Мужчины, а иногда и семьи выезжают на север, работают вахтовым методом. В последние годы стали в Москве устраиваться поварами, посудомойками. Но это те, кто имеет гражданство, кто прошел соответствующую процедуру приема. Мужчина, если он имеется, работает в городе, имеет жилье. Многие переселенцы работают в Самаре неофициально. Мигранты либо занимаются каким-то ремеслом, потом в выходные сидят на базаре, или нанимаются для выполнения каких-то определенных работ. «Челноки» есть, но я бы не сказала, что их много.

12. Пензенская область

Нина Александровна, 67 лет, среднее образование, пенсионерка, замужем

Мы из Душанбе, попали туда в 1940 году, еще до войны. До этого жили здесь, в Пензенской области. Мой отец был партийный. Муж – коренной житель Душанбе, ему тоже 67 лет. Мы там работали, вырастили детей. В 1986 году я ушла на пенсию. А в 1993 году Душанбе стали бомбить. Русских специально не расстреливали, но жизни не было. В магазинах на нас не обращали внимания, дочь вынуждена была уволиться с работы. Мы, как и большинство русскоязычного населения, решили переезжать в Россию.

Имущество нам удалось вывезти. В Душанбе мы жили в кибитке из саманного кирпича, ее продать мы не смогли. Я выехала с семьями старшей дочери и сына. Другой сын оставался в Душанбе до 1997 года. Приехали в деревню Чаадаевку Пензенской области, где жили родственники. Прожили на частной квартире 2 года. Встали сразу на учет в Миграционной службе, нам дали статус беженца, гражданства у нас до сих пор нет, паспорта советские. В сельской местности Миграционная служба нам выделила однокомнатную квартиру. Получаем пенсию, хватает на хлеб, и ладно. Муж – инвалид I группы по зрению. В 1997 году к нам пришли из паспортного стола и сказали, что надо принимать российское гражданство. Я поехала в Пензу. Начальник паспортного стола подчеркнул, что это долгий процесс, «зачем оно вам нужно?» Они позвонили в нашу администрацию, и нас перестали беспокоить. А сейчас меняют паспорта, а нам не дают.

У нас здесь постоянная прописка. Горячей воды нет. Зимой в доме последние годы стало холодно, топить начинают в ноябре, отключают в апреле. Климат холодный. Пенсия 700 руб., у мужа – 1,5 тыс. руб. Сын живет в соседней деревне, работает в нашей. Живет у нас, на выходные уезжает к семье.

Конечно, мы привыкли жить в Таджикистане, в России нам пришлось все начинать заново, но все-таки здесь – моя родина. В Душанбе у нас было свое хозяйство. А сейчас такой возраст... Тем не менее, огородик маленький я разработала, мы здесь взяли его «самозахватом». Сажая овощи, а скотину завести уже не в силах. Муж сделал погреб.

Я уживчивая, люди здесь нормальные, я нахожу контакт с ними.

13. Пенза

Олег Борисович, 34 года, высшее образование, журналист, женат, один ребенок

Приехал в Пензу из Таджикистана в 1993 году вместе с матерью. Мы жили в Душанбе, мать работала на хлопчатобумажном комбинате, сейчас на пенсии. Конечно, уехали мы поздно, надо было уезжать раньше.

В Таджикистане кругом было враждебное окружение, особенно в последнее время. Спишь и думаешь, как бы не ворвались в дом. Мы жили на I этаже. У нас была открытая лестница, поэтому врывались с автоматами, стучали по ночам в дверь. Мы не знали, кто это, но было очень страшно. Дом был длинный, там жило много семей. И каждый день слышали: «в этой квартире убили, в этой ограбили». Стали возникать перебои с хлебом, сутками мы стояли в очередях. Я помню, в наш магазин привезли хлеб, мы с матерью пошли, смотрим, а там лежат ребята, продавцы. Подошли поближе, а они убитые. Их поставили к стенке и расстреляли. Постоянно возникало ощущение, что в любой момент в дом может залететь пуля либо рикошетом тебя заденет. Постоянно был страх за свою жизнь, за своих близких.

Я родился на Украине, мать родом из Пензенской области. С отцом они познакомились в Куйбышеве и уехали в Украину, в Ровенскую область. В Западной Украине отношение к русским уже тогда было прохладное, и родители вынуждены были вернуться в Пензенскую область. Мы жили в деревне, там же я пошел в 1 класс. В то время все поголовно выезжали в Таджикистан, туда старались завлечь в основном молодежь: давали общежитие, вскоре – квартиру, хорошую работу и гарантировали высокую зарплату. В России было мало таких рабочих мест. Мы в Душанбе 10 лет ждали квартиру. Мать вступила в кооператив, ежемесячно выплачивала, работала по 2 смены. В Душанбе у нас жили дед с бабушкой. Я прожил в Душанбе 20 лет. Закончил Душанбинский университет, филфак. Потом хорошая жизнь закончилась.

Мы вынуждены были фактически бросить жилье. Что такое 500 000 рублей, за которые мы продали квартиру, если в Пензе двухкомнатная квартира стоила 6 млн.? И то по минимуму, по величайшему благу. А так цены на порядок-два уже были выше. В Душанбе я учился и одновременно работал в школе. Стипендия была 1700 рублей – максимум, но ее не хватало даже на 1 кг масла. Я все измеряю на килограмм масла. Когда приехал сюда, в Пензу, устроился работать в местную газету, зарплата была на 5 кг масла. 3 месяца поработал, потом меня взяли в штат. Как пенсионерке матери дали 5 кг гречки и 1 кг масла. В Пензе у нас жили родственники. Нам повезло: дедов дом в деревне был свободный и первое время мы жили там. Потом я поехал «завоевывать» Пензу. Я понял, что мне ничего «не светит», так и буду мотаться по квартирам, общежитиям, и в 1995 году мы вместе с земляком решили построить жилье. Строили в течение нескольких лет, до сих пор не закончена отделка. Почти год нам оформляли участок, хотя по закону это должно делаться в течение 2-3 месяцев. Думают, если строятся, значит, богатые. Люди не понимают, что это от безысходности. Женился в 1995 году, жена местная, нашему ребенку сейчас 2 года.

Мытарства по бюрократам в связи с оформлением дома у нас продолжаются до сих пор, тянутся с 1995 года.

Гражданство получил здесь, тогда еще проблем с гражданством не было. Когда мы приехали, столкнулись и до сих пор постоянно сталкиваемся с негативным отношением к мигрантам, причем даже к тем, кто в свое время здесь жил, то есть к своим землякам. Моя мать здесь закончила школу, 16 лет проработала в колхозе, и каково ей было слышать, как бывшая подруга, которая сидела с ней в школе за одной партией, сказала бабам: «Вот, беженка приехала». Я много писал о беженцах и переселенцах, и не могу понять, откуда берется такое отношение. Казалось бы, местные жители должны своих соплеменников, соотечественников принимать на «ура», всячески поддерживать. Однако никого не волнует, что человек был под пулями, голодал. В Душанбе не было хлеба, и если случайно удавалось купить муку, приходилось ее мешать с крахмалом, чтобы растянуть как можно дольше. Надо боль самому испытать, чтобы понять.

Нам помогал как мог бывший руководитель Миграционной службы, хотя он сам местный.

Уже 9 лет прошло с тех пор, как я приехал в Россию. Я только сейчас подхожу к тому уровню жизни, который у меня был в Таджикистане, выкарабкаться из рутины сложно. Там я не знал проблем с жильем. В целом я не жалею, что переехал, сначала была ностальгия, но сейчас уже нет. У нас не было другого пути. Все друзья разъехались по разным странам, городам. Уже тогда, когда я там жил, были люди, которые уезжали в Канаду и в другие зарубежные страны. Те, кто уехал в Россию, нередко возвращались, многие возвращались в Душанбе по 3-4 раза. Тех, кто возвращался из России, националисты принимали в штыки. У них разворовывали контейнеры, поджигали. Люди хотели вернуться к прежней жизни, но не получалось. Потом возвращались снова в Россию, потому что уровень жизни в Таджикистане очень низкий. Мотались между Россией и Таджикистаном. Если нет родственников, что здесь, в России, делать? Очень сложно. В Душанбе тогда еще у многих оставались родственники, знакомые, как-то помогали. Квартиры были очень дешевые. Билет до России равнялся стоимости квартиры. Наши знакомые продали трехкомнатную квартиру и им хватило денег только на билет.

Все упирается в финансы. Я жалею, что сразу не уехал за границу, бытовуха бы не волновала. Многие уезжают из деревень за границу, через год приезжают обеспеченными людьми, а я – нищий журналист. Но каждому свое. С одной стороны, было страшно жить в Таджикистане, голодно, но взаимоотношения между людьми там лучше. Там жили соседи разных национальностей, как родственники, друг другу помогали. А здесь даже родственники порой смотрят друг на друга как волки.

14. Самара

Галина, 17 лет, среднее образование

Я родилась в Таджикистане в 1984 году. Мы жили недалеко от Душанбе, у нас был собственный

дом, выделенный совхозом, а бабушка жила в центре города в большом частном коттедже со всеми удобствами. Я помню начало войны в 1995 году, бомбежки, было страшно. Я училась в городе, потому что в поселке была только таджикская школа, а я не знала таджикского языка. В русскую школу нас возил автобус. Он ходил нерегулярно, и поэтому мы добирались на перекладных, за мной приезжала бабушка. Мы с ней сначала ехали на автобусе, потом шли пешком. Дорога шла вдоль реки. Помню, когда мы шли, на берегу лежали синие трупы, много-много. Я училась во втором классе, нашу школу брали в заложники.

Мы вынуждены были уехать из Таджикистана. Полгода жили в Краснодаре, потом поехали во Владимирскую область, там прожили 2 года. В Самаре мы очутились по воле случая. Как говорится, «не было бы счастья, да несчастье помогло». Когда в Таджикистане началась война, мамин брат с женой приехал в Самару. У него часто были конфликты, потом он умер. Мы приехали на похороны и остались здесь, в Самаре. Мама устроилась на стройку, нам дали комнату в общежитии, а бабушка с дедушкой остались в Таджикистане. Мама и папа развелись. У бабушки после смерти сына был инфаркт, мы хотели забрать ее сюда, но дедушка не хотел уезжать из деревни и жить здесь в общежитии. Год назад он умер, там мы все продали, и теперь вместе с бабушкой живем здесь. В этой комнате у нас вся мебель из Душанбе. Мы сейчас живем с отчимом, он житель Самары, нас трое детей.

Условия для жизни здесь плохие, уже больше года нет газа, готовим на плитке. В общежитии сплошная антисанитария, хотя в договоре написано, что общежитие соответствует всем санитарным нормам. В душе уже 5 лет делают ремонт, везде капает вода, в подвале сырость. Стены того и гляди развалятся, кругом мыши, тараканы. Мама сейчас работает бухгалтером в фирме. За все это время, пока мы в России, мама кем только ни работала. В деревне она работала дояркой.

В этом году я закончила школу и буду поступать в филиал Московского института сервиса. Я не жалею, что мы уехали из Таджикистана, но уехать от всего к ничему очень сложно, особенно родителям.

15. Самара

Кристина Георгиевна, 20 лет, студентка, не замужем

Я учусь в Самарском государственном университете на юридическом факультете на третьем курсе. Приехала из Грузии со своей семьей еще в 1994 году, летом. Живу с родителями и с сестрами. Я родом из Тбилиси. Вся наша семья – армяне. У нас там не было никаких условий для нормального существования: ни газа, ни света. У отца не было работы. К тому же чувствовалось, что к нам уже не такое отношение, как раньше, пусть на уровне правительств об этом в открытую не говорилось, но уже между людьми было охлаждение во взаимоотношениях. Грузины давали понять, что они – хозяева жизни. Мы решили уехать. Гонений на нас не было, мы не беженцы. Просто в тот момент оттуда уже многие уезжали. К 1994 году большинство наших знакомых уехали. Некоторые мои родственники остались там. В принципе там сейчас нормально. Мы звоним, переписываемся. 2 года назад я ездила туда. Жалею ли, что мы переехали в Россию? Если бы там было все хорошо, естественно, мы бы оттуда не уехали. Но жить там после тех условий, которые мы имеем здесь: свет, тепло, – я просто уже не смогу. Конечно, у меня ностальгия, хочется увидеть всех, но наши соседи в основном все разъехались.

Приехали мы именно сюда, в Самару, потому что мои родственники живут здесь уже лет 40. Я не замужем, живу с родителями и двумя старшими сестрами. Все наши родственники приехали сюда. Отец – строитель, работает в частной фирме, мама не работает, я здесь с 13 лет, с 7 класса. В Тбилиси у нас был частный дом, дом отца, мы его продали. Имущество вывезли частично, мебель всю продали. Здесь мы живем на квартире, гражданство получили сразу, как только приехали, в 1994 году, когда еще не было строгого режима. Прописаны мы постоянно у дяди. В перспективе надеемся купить квартиру, но в ближайшем будущем, мне кажется, это нереально, здесь все очень дорого. В Грузии сейчас все говорят на грузинском языке, я грузинского не знаю. Родители тоже довольны, что мы переехали.

Мы никуда за помощью не обращались, родители обустроивались самостоятельно. Мой дядя – прораб – помог папе устроиться на работу. Сначала, как только мы переехали, было трудно, сейчас все нормально. Здесь мы живем уже 8 лет. В нашей ситуации надо года 4, чтобы встать на ноги. После окончания института буду работать здесь, в Самаре. С 4 курса пойду работать по специальности. Сестры тоже учатся. Старшая заканчивает медицинский университет, средняя закончила факультет менеджмента планово-экономического института, сейчас работает на кафедре по специальности.

С соседями проблем нет, к нам все хорошо относятся, в институте тоже. Я – волонтер, третий

год работаю в общественной переселенческой организации «Самарский переселенец». Узнала я о возможности работать здесь через соседку.

16. Пензенская область

Раис Исмаилович, 21 год, студент

По национальности я татарин. Мы все коренные пензенцы, родились в Пензенской области. Мать с отцом уехали в Казахстан, так как там легче было получить квартиру. Это было в 1980 году. Там прожили 13 лет. Тогда, в эпоху социализма, там были отличные условия, работа, квартира. Мы жили в Казахстане, город Аркалык Тургайской области. Это возле Байконура, областной центр. Основная отрасль – горнодобывающая промышленность, добыча алюминиевой руды. Отец работал шофером в автопарке, мать —библиотекарем. Условия были отличные. Но пришли 90-е годы, и начались перемены.

Отец перешел работать в частную фирму. Сначала все было стабильно, но потом город преобразовали в рабочий поселок, объявили, что рабочие места будут сокращать. Там не было национальных притеснений, казахи – миролюбивый народ. Но те перемены, которые там происходили, создавали невозможные условия для жизни населения не коренной национальности, и поэтому оттуда стали уезжать. Раньше в Аркалыке жило 100 тысяч человек, сейчас максимум 30 тысяч. Целые микрорайоны пустуют. Там никто не живет. Мы тоже уехали, даже скорее не по материальным причинам, а потому, что там уже не оставалось родственников, все наши родственники уехали в Россию. Не было смысла там оставаться, работы нет, электричества, газа тоже нет. Алюминиевую руду добывают даже не казахи, а какая-то иностранная фирма.

Мы уехали в 1995 году. Продали за бесценок жилье, сюда приехали к бабушке. Нас встретили родственники, мы прожили у них полгода. Но за эти полгода они все делали для того, чтобы мы от них поскорее уехали. Жили в Неверкинском районе Пензенской области. Тогда по чистой случайности в Неверкино приезжал из Кузнецка представитель социальной защиты населения, он проводил консультации. И мои родители поехали туда, в Неверкино, проконсультировались, и он посоветовал нам приехать в Пензу. Намечалось, что в Старой Каменке строится дом для вынужденных переселенцев. Отец с матерью поехали, здесь набирали трактористов-механизаторов. Отец сначала показал удостоверение водителя, его не взяли, потому что здесь водители не нужны, а потом он просто так, невзначай, сказал, что он тракторист, тогда его взяли. Соответственно, квартира была обеспечена. Так и устроились. Живем уже 5 лет.

Я не жалею, что мы приехали в Россию. Родители говорят: «Здесь родственники, здесь все наши корни. А если бы там остались, мы бы одни жили». Там уже никого не оставалось из нашей среды общения. Я учился в школе, точнее, в гимназии с физико-математическим уклоном. А сюда приехал – мне здесь учиться было намного легче, обычная школа. Я там три школы менял, здесь – две. Было тяжело привыкать, я сам по натуре человек замкнутый, но прошло все нормально, почти безболезненно. А брат с сестрой были совсем маленькие. Для них это было пустяком, здесь они уже провели почти все свое детство.

Сейчас я учусь в Педагогическом университете на факультете иностранных языков. Просто здесь, в школе, не хватало учителей иностранных языков, и я перешел на ин.яз., понимая, что работа будет обеспечена. Но сейчас я уже думаю, что здесь не останусь. Появляются другие возможности устроиться на работу. Свое будущее я связываю, скорее всего, не со своей специальностью, а с коммерцией. В школе я уже проходил практику, мне понравилось, но, к сожалению, там очень маленькие зарплаты. А так замечательно работать в школе. По складу ума мне коммерция не подходит. Однако если я хочу создать семью, работа в школе мне не подойдет. Сейчас работу найти можно без труда, это я проверил на своем опыте, было бы желание работать.

Отец работает на севере шофером в Лукойле, возле Сургута. Мать безработная. Она хочет работать, но здесь работы нет, надо ехать в город. Здесь у нас свое хозяйство, огород. Мама родилась в деревне, это для нее привычно.

Я думаю, родители уже восстановились.

Центр миграционных исследований (ЦМИ)

Правопреемник Центра изучения проблем вынужденной миграции в СНГ (1998-2003). Зарегистрирован в январе 2004 г. как региональная общественная организация. Изменение названия было связано с тем, что Центр заметно вырос в научном и организационном плане и ведет исследования по широкому спектру миграционных проблем, а не только по вынужденной миграции. Новое название Центра больше соответствует специфике его исследовательской деятельности, чем прежде.

Направления деятельности:

- ◆ Организация и проведение исследований в области миграции.
- ◆ Проведение научных дискуссий (в форме семинаров, конференций, круглых столов) по актуальным проблемам миграции с широким привлечением лиц, принимающих решения, СМИ, преподавателей ВУЗов, общественных организаций.
- ◆ Инициирование работы Независимого исследовательского Совета по миграции стран СНГ и Балтии.
- ◆ Публикация результатов исследований.

Директор *Зайончковская Жанна Антоновна*

Кандидат географических наук, специалист по широкому кругу миграционных и социальных проблем: внутренней и внешней миграции населения России и СНГ, рынка труда, урбанизации, эволюции расселения. Заведующая лабораторией анализа и прогнозирования миграции ИНП РАН, член Коллегии Федеральной миграционной службы России (1993-1997), член Правительственной комиссии по миграционной политике РФ (2002-2004), Межведомственной комиссии при Правительстве Москвы по анализу демографической ситуации в городе, Научного совета по проблемам национальной политики Отделения общественных наук РАН, редколлегии Демографического ежегодника России. Автор более 10 монографий и около 200 научных статей.

Спонсоры:

Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН,
Фонд Форда, Фонд МакАртуров, Международная организация по миграции, ЮНЕСКО

Наш сайт: <http://www.migrocenter.ru>

Информацию о деятельности Центра также см.: <http://www.demoscope.ru>

ПУБЛИКАЦИИ
Центра изучения проблем вынужденной миграции в СНГ
и Независимого исследовательского Совета
по миграции стран СНГ и Балтии

Книги и сборники

Миграционная ситуация в странах СНГ. // Под ред. *Ж.А. Зайончковской*. Центр изучения проблем вынужденной миграции в СНГ. Независимый исследовательский Совет по миграции стран СНГ и Балтии. – М., 1999. – 288 с.

Миграция и урбанизация в СНГ и Балтии в 90-е годы. // Под ред. *Ж.А. Зайончковской*. Центр изучения проблем вынужденной миграции в СНГ. Независимый исследовательский Совет по миграции стран СНГ и Балтии. – М., 1999. – 359 с.

Миграция и информация. // Под ред. *Ж.А. Зайончковской*. Центр изучения проблем вынужденной миграции в СНГ. Независимый исследовательский Совет по миграции стран СНГ и Балтии. – М., 2000. – 248 с.

Население Молдовы и трудовая миграция: состояние и современные формы. Составитель *В. Мошняга*. Центр изучения проблем вынужденной миграции в СНГ. Независимый Исследовательский Совет по миграции стран СНГ и Балтии. Молдавский государственный университет. Центр политического анализа и социальных технологий «CAPTES» (Молдова). – Кишинэу, 2000. – 200 с.

Миграционная ситуация и миграционная политика в Центральной России. Администрация Смоленской области. Российский гуманитарный научный фонд. Независимый исследовательский Совет по миграции стран СНГ и Балтии. Смоленский гуманитарный университет. – Смоленск, 2001. – 204 с.

Садовская Е.Ю. **Трудовая миграция как средство адаптации к экономическому кризису в Казахстане.** Центр изучения проблем вынужденной миграции в СНГ. Независимый Исследовательский Совет по миграции стран СНГ и Балтии. – Алма-Ата, 2001. – 216 с.

Миграция в СНГ и Балтии: через различия проблем к общему информационному пространству. // Под ред. *Г. Витковской*,

Ж. Зайончковской. Центр изучения проблем вынужденной миграции в СНГ. Независимый исследовательский Совет по миграции стран СНГ и Балтии. Московский Центр Карнеги. Материалы конференции. – М., 2001. – 296 с.

Миграция населения. Трудовая миграция в России. // Под общ. ред. *О.Д. Воробьевой*. Приложение к журналу «Миграция в России». Вып.2. – М., 2001. – 191 с.

Россия-Казахстан: фронтьерские миграции. // Под общ. ред. *Ж. Зайончковской и М. Сдыкова*. Центр изучения проблем вынужденной миграции в СНГ. Независимый исследовательский Совет по миграции стран СНГ и Балтии. Западно-казахстанский фонд науки и образования «Акжол». Ин-т народнохоз. прогнозирования РАН. / Сб. науч. трудов. – М–Уральск, 2002. – 238 с.

Миграция и рынок труда в странах Средней Азии. Материалы регионального семинара 11–12 октября 2001 г. Ташкент. // Под ред.

Л.П. Максаковой. Центр изучения проблем вынужденной миграции в СНГ. Независимый исследовательский Совет по миграции стран СНГ и Балтии. Центр эффективной экономической политики Минмакро-экономстата Республики Узбекистан. – М–Ташкент, 2002. – 180 с.

Миграция и пограничный режим: Беларусь, Молдова, Россия, Украина. // Под общ. ред. *С.И. Пирожкова*. Центр изучения проблем вынужденной миграции в СНГ. Независимый исследовательский Совет по миграции стран СНГ и Балтии. Национальный Институт проблем международной безопасности (Украина). / Сб. науч. трудов. – Киев, 2002. – 175 с.

С. Пирожков, Е. Малиновская, А. Хомра. **Трудовая миграция в Украине. Социально-экономический аспект.** – Киев, 2003. – 106 с.

Трудовая миграция в СНГ: социальные и экономические эффекты. / Отв. ред. *Ж. Зайончковская*. // Центр изучения проблем вынужденной миграции в СНГ. Независимый исследовательский Совет по миграции стран СНГ и Балтии. Ин-т народнохоз. прогнозирования РАН. – М., 2003. – 288 с.

Проблемы миграции и опыт ее регулирования в полиэтничном Кавказском регионе. // Научн. ред. *Зайончковская Ж.А., Белозеров В.С.* Тезисы Международной научной конференции. // Ставропольский государственный университет. Центр изучения проблем вынужденной миграции в СНГ. – М–Ставрополь, 2003. – 304 с.

Трудовая миграция и защита прав гастарбайтеров: практика посткоммунистических стран. // Отв. ред. *Ж. Зайончковская*,

В. Мошняга, В. Теоса. ЮНЕСКО. Центр изучения проблем вынужденной миграции в СНГ. Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН. Центр демографии и экологии человека ИНП РАН. Молдавский государственный университет. – Кишинев, 2003. – 246 с.

Научные доклады

Зайончковская Ж.А. **Россия: миграция в разном масштабе времени.** – Науч. докл. Вып. 1. – М., 1999. – 68 с.

Пуур А., Саккеус Л. **Эстония: мигранты на рынке труда в 90-е годы.** ESTONIA: migrants' labour market experience in the 1990s. – Науч. докл. Вып. 2. – М., 1999. – 35 с.

Максакова Л.П., Ата-Мирзаев О. **Узбекистан: миграция из сел в города в условиях трансформирующегося рынка труда.** Науч. доклады. Вып. 3. – М., 1999. – 28 с.

Прибыткова И.М., Садовская Е.Ю., Олимова С.К., Хмаладзе М.Н., Юнусов А.С. Мигранты в столичных городах. – Науч. доклады. Вып. 4. – М., 2000. – 79 с.

Анн де Тинги, Леденева Л.И., Мошняга В.Г., Шахотько Л.П., Анисов Л.М. Миграция студентов и специалистов. – Науч. доклады. Вып. 5. – М., 2000. – 66 с.

Материалы молодежных конференций

Трудовая миграция глазами молодых исследователей. Материалы молодежной конференции по исследовательскому проекту «Трудовая и коммерческая миграция как средство адаптации к экономическому кризису». // Под ред. *Ж.А. Зайончковской (Смоленск, 19–20 апреля 2001 г.)*. Смоленский гуманитарный университет. Независимый исследовательский Совет по миграции стран СНГ и Балтии. – М., 2001. – 136 с.

Миграционная ситуация в России. Материалы Второй молодежной конференции. (*Нижний Новгород, 23–24 октября 2002 г.*). Центр изучения проблем вынужденной миграции в СНГ. Независимый исследовательский Совет по миграции стран СНГ и Балтии. Нижегородский государственный педагогический университет. – М., 2002. – 116 с.

Левин Ю.Л., Жулин А.Б. Миграционное страхование. Центр изучения проблем вынужденной миграции в СНГ. Независимый исследовательский Совет по миграции стран СНГ и Балтии. – М., 2001. – 56 с. (*Первая премия 1 молодежной конференции*).

ПУБЛИКАЦИИ В РАМКАХ СОТРУДНИЧЕСТВА С МЕЖДУНАРОДНЫМИ ОРГАНИЗАЦИЯМИ

**(МОСКОВСКИЙ ЦЕНТР КАРНЕГИ, УВКБ ООН,
МЕЖДУНАРОДНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ПО МИГРАЦИИ)**

CIS migration report: 1996. IOM International Organisation for Migration. – Geneva, 1997. – 160 p.

То же: **Миграция населения в странах СНГ: 1996 г.** МОМ. Международная организация по миграции. – 1998. – 166 с.

Миграция населения в постсоветских государствах: Аннотированная библиография российских изданий 1992–1997гг. / Научно-методическое руководство *Ж. Зайончковской*. Составители: *И. Бадыштова, Ж. Зайончковская*. Общая редакция *Г. Витковской*. Московский Центр Карнеги. – М., 1998. – 185 с.

Migration in the CIS 1997–98. // *Zh. Zayonchkovskaia*, chief. IOM International Organisation for Migration. – Geneva, 1999. – 189 p.

То же: **Миграция населения в странах СНГ: 1997–98гг.** // *Зайончковская Ж.А.*, рук. МОМ. Международная организация по миграции. – Женева, 1999. – 184 с.

Тихонов В.А. Ракетно-ядерный комплекс России: мобильность кадров и безопасность // Московский Центр Карнеги. – М., 2000. – 96 с.

Tikhonov V. Russian Nuclear and missile Complex the Human Factor in Proliferation // Carnegie Endowment for International Peace. – Washington D.C., 2001. – 125 p.

Миграции в трансформирующем обществе: Аннотированный библиографический указатель литературы, изданной в странах СНГ. 1992–1999 гг. / Отв. ред. *Ж.А. Зайончковская*. Составители: *Ж. Зайончковская, И. Бадыштова*. Центр изучения проблем вынужденной миграции в СНГ. Независимый исследовательский Совет по миграции стран СНГ и Балтии. УВКБ ООН. – М., 2000. – 520 с.

Migration Trend in Eastern Europe and Central Asia. 2001-2002 Review. // *Zh. Zayonchkovskaya*, chief. IOM International Organisation for Migration. – Geneva, 2002. – 204 p.

То же: **Тенденции в области миграции в странах Восточной Европы и Центральной Азии. Обзор за 2001-2002 гг.** // *Зайончковская Ж.А.*, рук. МОМ. Международная организация по миграции. Женева, 2002. – 220 с.

Сессии совета, конференции и семинары

Миграционная ситуация в странах СНГ и Балтии

Москва, 17–18 июля 1998 года

Первая (учредительная) сессия Независимого исследовательского Совета по миграции стран СНГ и Балтии

Международные миграции и переходные экономики на пороге XXI века

Москва, 8–10 сентября 1998 года

Совместно с UNESCO-MOST. Учредительная сессия SEENOM

Урбанизация и миграция в период трансформации социально-экономических систем

Москва, 28–29 января 1999 года

Вторая сессия Независимого исследовательского Совета по миграции стран СНГ и Балтии

Урбанизация и миграция: новые тенденции

Минск, 11–12 июня 1999 года

Третья сессия Независимого исследовательского Совета по миграции стран СНГ и Балтии. Совместно с НИИ статистики Республики Беларусь.

Миграция: проблемы информации

Москва, 28–29 января 2000 года

Четвертая сессия Независимого исследовательского Совета по миграции стран СНГ и Балтии.

Миграция в СНГ и Балтии: через различия проблем к общему информационному пространству

Санкт-Петербург, 8–9 сентября 2000 года

Международная конференция

Центр изучения проблем вынужденной миграции в СНГ, Независимый исследовательский Совет по миграции стран СНГ и Балтии (пятая сессия), Московский Центр Фонда Карнеги за международный мир и Европейский университет в Санкт-Петербурге.

Семинар рабочей группы по законодательству и защите прав беженцев Женевской Конференции по СНГ

Москва, 5–6 апреля 2000 года

Датский Совет по беженцам и Центр изучения проблем вынужденной миграции в СНГ

Трудовая миграция в СНГ глазами молодых исследователей

Смоленск, 19–20 апреля 2001 года

Международная молодежная конференция

Центр изучения проблем вынужденной миграции в СНГ, Независимый исследовательский Совет по миграции стран СНГ и Балтии совместно со Смоленским гуманитарным университетом и Фондом Фридриха Науманна.

Трудовая миграция в СНГ: социальные и экономические эффекты

Ялта, 26–27 мая 2001 года

Шестая сессия Независимого исследовательского совета по миграции стран СНГ и Балтии

Совместно с Национальным институтом проблем международной безопасности (Украина).

Миграционная ситуация и миграционная политика в Центральной России

Смоленск, 11–12 сентября 2001 года

Международная конференция

Смоленский гуманитарный университет, Администрация Смоленской области, Российский гуманитарный научный фонд, Центр изучения проблем вынужденной миграции в СНГ.

Миграция и рынок труда в странах Средней Азии

Ташкент, 11–12 октября 2001 года

Региональный семинар

Центр изучения проблем вынужденной миграции в СНГ. Совместно с Центром эффективной экономической политики Минмакроэкономстата Республики Узбекистан.

Центральная и Восточная Европа в системе глобальных миграций

Москва, 16–17 ноября 2001 года

Международный семинар

Центр демографии и экологии человека совместно с UNESCO-MOST (CEENOM), Независимый исследовательский совет по миграции стран СНГ и Балтии (седьмая сессия).

Фронтьерские миграции в СНГ: Беларусь, Молдова, Россия, Украина

Киев, 18–20 апреля 2002 года

Международный семинар

Центр изучения проблем вынужденной миграции в СНГ.

Совместно с Национальным институтом проблем международной безопасности Украины.

Фронтьерские миграции в СНГ: Казахстан-Россия

Уральск (Казахстан), 23–24 мая 2002 года

Международный семинар

Центр изучения проблем вынужденной миграции в СНГ. Совместно с Западно-Казахстанским фондом науки и образования «Акжол».

Миграционная ситуация в России

Нижний Новгород, 23–24 октября 2002 года

Вторая международная молодежная конференция.

Центр изучения проблем вынужденной миграции в СНГ. Совместно с Нижегородским педагогическим университетом и Фондом Фридриха Науманна.

Трансграничные миграции в Центральной и Восточной Европе: проблемы и опыт регулирования

Будапешт (Венгрия), 13–14 декабря 2002 года

Международный семинар

Международная ассоциация «Диалог» (Венгрия), Институт Открытое общество (Венгрия), Центр изучения проблем вынужденной миграции в СНГ.

Миграционная ситуация в Приволжском федеральном округе

Чебоксары, 10–11 апреля 2003 года

Региональный семинар

Центр изучения проблем вынужденной миграции в СНГ совместно с Аппаратом Полномочного представителя Президента РФ в Приволжском федеральном округе.

Миграция и рынок труда в странах Центральной и Восточной Европы

Кишинев, 26–27 мая 2003 года

Международная конференция

Независимый исследовательский Совет по миграции стран СНГ и Балтии (восьмая сессия) совместно с UNESCO-MOST (CEENOM) и Молдавским государственным университетом.

Миграция: теория, методы и практика регулирования миграционных процессов

Смоленск, 3–22 августа 2003 г.

Международная школа-семинар

Международная ассоциация «Диалог» (Венгрия), Институт Открытое общество (Венгрия), Центр изучения проблем вынужденной миграции в СНГ.

Проблемы миграции и опыт ее регулирования в полиэтничном Кавказском регионе

Ставрополь, Черкесск, 6–9 октября 2003 года

Международная конференция

Центр изучения проблем вынужденной миграции в СНГ совместно со Ставропольским государственным университетом.

Россия-Франция: взгляды на иммиграционную политику

Москва, 14–15 ноября 2003 года

Международный семинар

Франко-российский центр по общественным и гуманитарным наукам в Москве, Центр международных исследований Парижского института политических наук, Центр демографии и экологии человека и Центр изучения проблем вынужденной миграции в СНГ.

**Миграционная ситуация
в регионах России**

Выпуск первый

Приволжский федеральный округ

Под редакцией *С. Артоболевского и Ж. Зайончковской*

Подписано в печать 15.07.2004. Формат 60×84/16.
Гарнитура Таймс. Печать офсетная. Бумага офс. № 1.
Печ. л. 13,5. Тираж 500 экз. Заказ 7815.

РОО «Центр миграционных исследований»,
117042 Москва, Нахимовский проспект, 47, к. 1303

Отпечатано в ФГУП «Производственно-издательский комбинат ВИНТИ»
140010, г. Люберцы Московской обл., Октябрьский проспект, 403.
Тел.: (095) 554-21-86